

УДК 321; 323

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

Михаэль Фридерих, доктор

Относительная либеральность, отличавшая искусство, литературу, историческую науку в военные годы, закончилась, как уже упоминалось выше, и в Татарстане с началом кампании против (русских) журналов «Звезда» и «Ленинград». Как и во многих других городах советской империи, в Казани проходили многочисленные собрания, на которых выражалась поддержка резолюции ЦК ВКП (б) и осуждались идеологические ошибки этих периодических изданий. В татарской прессе не только воспринимались без изменений «аргументы» русских обвинителей, даже если речь шла о переводных статьях. Функции и позиции личностей, включенных в эти акции, были у татар и у русских очень схожими. Роль татарского Жданова играл С.Гаффаров, секретарь Татарского обкома, отвечавший за пропаганду. 3 октября 1946 г. в Казани было созвано большое собрание татарских писателей, на повестке дня которого стоял только один вопрос – журналы «Звезда» и «Ленинград», и был только один выступающий – С. Гаффаров. Единственным пунктом его пространной речи, который не встречается в русской кампании, являлись взаимоотношения между татарской и русской литературами. Он охарактеризовал татарскую литературу как «растущую под влиянием оказания братской помощи со стороны великой русской литературы»⁵². При этом он не забыл упомянуть, что это наблюдается не только в советское время, так было и до Октябрьской революции: «Клас-

сики татарской литературы были способны создать прекрасные произведения, потому что они следовали лучшим традициям великой русской литературы, учились у русских классиков»⁵³. Он называет следующих «русских» классиков: Пушкин, Лермонтов, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Горький и Маяковский. Гаффаров не упоминает, кто из татарских литераторов и критиков подражал Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому и Горькому. Но я хотел бы обратить внимание на то, что татарские поэты начала и середины 1920-х гг., образцом для которых являлся футуристический Маяковский, были не только «литературно», но и «юридически» осуждены впоследствии, самое позднее, в годы «великой чистки»⁵⁴. Но понятно, что на таких «деталях» Гаффаров не останавливался. Его слова, высказанные совершенно недвусмысленно, должны были показать, что все нерусские, национальные культуры должны быть благодарны «великой русской культуре», если не за свое существование вообще, но за свои успехи. Чтобы «доказать» правильность подобного подхода, применялся метод порочного круга: избирался образец «хорошего», «национального» (т.е. нерусского) героя дореволюционного времени (предпочтение отдавалось просветителям, писавшим стихи), который отличался хотя бы временной близостью с русской культурой и языком⁵⁵. После этого из их литературного или личного наследия выбирались

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, № 2–4.

цитаты, при этом источники цитаты никогда не назывались, и могло быть так, что она вырезана из контекста или же просто приписана. И эти цитаты из вновь избранного национального героя должны были задним числом подтверждать советское заявление об образцовой роли всего русского. Например, одной из таких образцовых фигур из казахов являлся поэт и просветитель Абай Кунанбаев (1845–1904) со своим высказыванием: «Учитесь у русских – это ключ к жизни»⁵⁶. У татар Габдулла Тукай являлся тем поэтом, который должен был выполнять эту функцию.

Еще одним качеством, постулированным для «советского человека» и спроецированным на какие-либо русские или «национальные» образцовые фигуры из прошлого, являлся оптимизм, а советский человек, в первую очередь, был оптимистом, «иначе говоря, полностью верящий в себя, в свой народ». И это, конечно, означало, что он был полностью чист от таких вещей, как безнадежность»⁵⁷.

Свойства, которые приписывались новым старым героям, и роли, которые, как утверждалось, исполняли в истории русские и «националы», в Советском Союзе оставались неизменными и после смерти Сталина (1953 г.). И временная критика, сформулированная, прежде всего, на XX съезде Коммунистической партии (1956 г.), не могла ничего изменить⁵⁸.

Дальнейшие дискуссии вокруг татарской литературы, которые велись с середины 1940-х до конца 1950-х гг., в целом были ограниченными и концентрировались на стереотипном распределении целей, поставленных партией, в реализацию которых литература должна была внести свой вклад. Признавалось, что есть серьезные недостатки в политико-идеологическом сознании литераторов, а следовательно, и в их произведениях, а также в литературной бюрократии и выражалась надежда на скорейшее улучшение ситуации.

Самое позднее, после Второй мировой войны, цели, сформулированные

партией, лишились широкого мировоззренческого характера. Они определялись повседневной политикой и ее совершенно конкретными потребностями, которым подчинялись литература и искусство. Гаффаров очень ясно выразил это уже в своем докладе 3 октября 1946 г.: «Вся идеологическая работа теперь должна быть подчинена боевым задачам, стоящим перед советским народом»⁵⁹. Но, по мнению Гаффарова, вместо того, чтобы поддерживать государство и партию в воспитании молодого поколения в духе преданности родине, партии и товарищу Сталину, что является их первой и главной обязанностью как советских писателей, некоторые из татарских авторов (правда, Гаффаров опять не называет имен), совершенно в духе Зощенко и Ахматовой отделились от политики и актуальных событий, поддались «групповщине, приятельству, личным интересам», против чего, понятно, необходимо решительно бороться⁶⁰.

Высказывания Гаффарова и его заместителя Камиля Фасеева⁶¹ создают впечатление, что большинство татарских писателей занималось тем, что создавали произведения в духе Джеймса Джойса или Франца Кафки⁶². До начала 1950-х гг., т.е. до тех пор пока велась кампания против деполитизированной литературы (по-татарски – «бүлмә лирикасы»), однако, насколько мне известно, лишь два татарских автора были названы по именам с обвинением в подобной ошибке: Ахмет Файзи и Салих Баттал⁶³.

Аксиома о единстве народов Советского Союза и доминировании всего русского внутри «семьи народов» вела, таким образом, к тому, что все свойства, положительные или отрицательные, имевшие важность для русских, должны были иметь место и у других национальностей. Ставить этот «закон» под сомнение или же противодействовать ему могло быть интерпретировано и осуждено как «национализм» или «сепаратизм». Эта идеоло-

гическая конструкция сама себя кусает за хвост и сама же подтверждает: после того как татарские литературные функционеры и верные партии критики перенимали «обвинение» из русских дискуссий, они должны были также презентировать «обвиняемого», для того, чтобы избежать упреков в недостаточной бдительности. И чем больше «враги» старались «замаскироваться», тем почетнее было их «разоблачение». Критики не замечали, что они ведут борьбу с ветряными мельницами и тем самым фактически повторяют ту же ошибку, какую они приписывали объектам своей критики: их высказывания не имели ничего общего с реальной татарской действительностью.

«Боевые задачи» татарской литературы в советской действительности после 1946 г. имели одно название: «четвертый пятилетний план». Повседневные события являлись тем, что составляло величие и превосходство советской жизни. Преобразовать их в литературной форме – это было важнейшей задачей, которой должны были посвятить себя писатели и поэты. И потому должны были описываться постоянные новшества, успехи и прогресс, имевшиеся в промышленности, преобразовании природы, электрификации колхозов, сельском хозяйстве, на машинно-тракторных станциях (МТС), а также жизнь и работа трактористов и деревенской молодежи. Кроме того, большое и заслуженное внимание должно было уделяться Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда. Конечно же, на самом переднем плане должны были находиться в известной степени «вечные темы» «советского патриотизма» и «беспощадной ненависти к врагам народа». Все эти темы были объявлены основополагающими для татарской литературы не только до конца 1940-х⁶⁴, но и до середины 1950-х гг.⁶⁵, и у писателей, и у поэтов потребовали, чтобы они постоянно находились в центре их внимания. И с такой же энергией, с которой вы-

сказывались требования к темам, чаще всего упоминавшимся по отдельности, стереотипно предъявлялась и претензия, что имеются еще серьезные недостатки, что вместо «творческой активности» имеет место «творческий застой», что «авторы Татарстана отстают от жизни», и «то, что написано до сих пор татарскими советскими писателями, никак не может удовлетворить все возрастающие потребности читателей»⁶⁶. Список татарских писателей и поэтов, у которых наблюдались подобные ошибки, был велик (более четверти от всего состава Союза писателей) и авторитетен – в него входили довольно известные авторы того времени⁶⁷.

Еще одним большим недостатком, обнаруженным политическим руководством Татарстана у татар, в целом, т.е. у авторов и читателей, но также и в среде литературной бюрократии, являлось отношение к «старшему брату». Интерес татарских читателей к русской литературе ни в коем случае не мог быть определен как удовлетворительный, а поддержка и помощь, которую получали живущие в Татарстане русские писатели, определялась как совершенно недостаточная⁶⁸. Со второй половины 1930-х гг., когда было прописано ясное доминирование русских среди всех народов Советского Союза, этот упрек относился к постоянному репертуару высказываний татарских функционеров относительно «дружбы народов». И только через несколько лет после второго Съезда советских писателей, состоявшегося в Москве в декабре 1954 г., в татарской литературе и критике начались робкие изменения.

После такого длительного описания идеологического, политического и культурно-литературного фона я хотел бы, наконец, прояснить, каким же представлялся Габдулла Тукай татарской и всесоюзной общественности с середины 1930-х до конца 1950-х гг. Все важнейшие темы этого периода, занявшего практически четверть века, использовались для реабилитации Ту-

кая: реставрация дореволюционного прошлого, с особым упором на его прогрессивные и революционные традиции; «открытие» выдающейся роли отдельных личностей как предводителей народа, а поэтому и определяемое народом развитие истории; патриотизм и любовь к родине, и связанная с этим новая положительная оценка народной литературы; единство и дружба народов Советского Союза, начавшаяся еще в Российской империи, и ведущая роль русского народа и его прогрессивных писателей и мыслителей в развитии «национальных» культур, что было раньше и продолжается сейчас; наконец, требование не теряться в пустых и бессмысленных саморефлексиях, а непосредственно отражать в литературном творчестве актуальную политику и с оптимизмом смотреть в будущее.

В конце предыдущего раздела («Тукай – пессимист») я уже упомянул о публикации избранных сочинений Тукай, появившейся в 1938 г. в Казани, под редакцией Мусы Джалиля. Очевидно, что в своем вступительном слове редактор пытался принять в расчет менявшуюся в 1936–1938 гг. оценку Тукай. Осторожно он упоминает о новой знаковой линии, когда говорит, что лирика Тукай была прогрессивна и поэтому нужна народу. Эту заслугу необходимо признать, и здесь мы видим старую линию аргументации автора: «Творчество Тукай не смогло подняться до высоты идеи классовой борьбы, ограничилось мелкобуржуазным индивидуализмом, религиозностью, национализмом, но его лирика была полезным прогрессивным творчеством для народного движения»⁶⁹. Мелкобуржуазная психология Тукай была причиной и того, что он не понял значения революции, что для стихов и статей, написанных после 1907 г., характерны душевная подавленность, стремление к романтизму, безнадежность и пессимизм⁷⁰.

Попытка Мусы Джалиля угодить всем и, не занимая собственной пози-

ции, лавировать между идеологическими фронтами не удалась. Джалиль действовал неумело, и кроме того, обе линии или позиции, которые он хотел соединить, были несовместимы. Ф.Габдрахманов ясно высказал это в своей критике М.Джалиля и одновременно представил нового Тукай: «Без всяких объяснений «украшать» такими «качествами» народного поэта Г.Тукай, до самой своей смерти воспевавшего народную душу, горькую ненависть народа по отношению к эксплуататорам-капиталистам и помещикам, и никогда не замыкавшегося в самом себе; считать его беспощадную острую сатиру, поднятую как острый меч над эксплуататорами, «не имеющей ясного направления», «плодом одинокого протеста» – все это, даже если говорить мягко, является непониманием основного содержания творчества Тукай»⁷¹.

Еще более ясно выразился Гали Халит, который с конца 1930-х гг. продвигался в качестве ведущего татарского «эксперта по Тукаю». В начале 1938 г. он опубликовал в журнале «Совет әдәбияты» большую статью под названием «Тукай – халык шагыйре»⁷². В этой статье упоминаются или, по меньшей мере, обозначаются уже почти все те качества Тукай, которые в последующие 20 лет будут определять его образ для татарской общественности: принадлежность Тукай к угнетенным, к «народу»; непоколебимая вера Тукай в народ, который являет собой революционные массы, что затем и возводит поэта в ранг «народного»; большое и незаменимое значение, которое имела русская культура для развития мышления Тукай.

В отличие от представителей либеральной буржуазии, которые видели авангард в интеллектуалах и джадидистских муллах, с самого начала Тукай «призывал представителей массы, которая, как и он, была растеряна (...), пребывала в бедности, стать авангардом». Это совершенно несомненно показывает, что он являлся настоящим

народным трибуном⁷³. И он никогда не предавал народ и его идеалы, являвшиеся идентичными с его собственными, как это делали некоторые другие поэты и интеллектуалы, т.е. он не отворачивался от происходящих политических событий или же не продавался буржуазии⁷⁴, а непоколебимо продолжал свою политическую лирику⁷⁵.

Все эти качества с конца 1930-х гг. были установлены для (татарского) «народного поэта». Габдулла Тукай был первым татарским литератором, на котором был проверен такой каталог требований. Тем самым ему было представлено выдающееся положение не только в татарской литературе, но и в татарской истории в целом. Однако Тукай не был единственным: всем литераторам, которых после него удостоивали титула «народный поэт», приписывались точно такие же качества в почти идентичных выражениях⁷⁶.

Из названных требований следовало, что мировоззрение «народного поэта», отражающееся в его жизни и творчестве, должно отличаться непоколебимым и ясным оптимизмом. И для Габдуллы Тукая все это коротко и ясно установил Гали Халит. Полностью вступая в противоречие со своим современником Мусой Джалилем, Г.Халит в своем «анализе» пришел к выводу, что мировоззрение и творчество Тукая «во всем своем течении были оптимистичными»⁷⁷. Такая основополагающая характеристика поэта еще сильнее подчеркивалась в годы Второй мировой войны. Хай Хисматуллин и Адель Кутуй в апреле 1942 г. превозносили «глубокий оптимизм», с которым Тукай воспевал народ и его борьбу за счастливое будущее⁷⁸. Когда с 1946 г. стали заявлять, что «великая» русская культура постоянно имела положительное влияние на развитие «национальных» культур, это не могло не остаться без последствий и в оценке оптимизма Тукая. Так, Кави Наджми подчеркивал, что в целом оптимистичный тон творчества Тукая объясняется влиянием «великой рус-

ской литературы» и «героизмом Ямашева, шедшего в одном ряду с русскими большевиками»⁷⁹.

Упоминания об оптимизме Тукая сохранялись и в 1950-е гг. В предисловии к 4-томному собранию сочинений Тукая, вышедшему в 1955–1956 гг., Гали Халит писал: «Исторический оптимизм, орошенный пафосом демократической революции (!), (...) мотивы радости и надежды никогда не угасали в творчестве Тукая. Они время от времени вспыхивали и в самые черные дни реакции»⁸⁰. Немного забегаю вперед, хочу заметить, что и в 1960-е гг., когда многие татарские критики заменили безусловный оптимизм Тукая общим гуманизмом, Гали Халит считал, что мировоззрение Тукая отличается «историческим оптимизмом»⁸¹. Отвлекаясь от того, правильна оценка Г.Халита или нет, следует поставить ему в заслугу, что он последовательно отстаивал свою позицию и не старался, как многие из его коллег-критиков, перекраситься, подстраиваясь под новые условия.

Необходимо обратить внимание и на средства, которыми подтверждался новый, оптимистичный Тукай. В отличие от всех предыдущих периодов развития представления о Тукае, когда критики пытались доказать свои противоречивые характеристики и оценки поэта и его творчества с помощью цитат из его стихотворений, во второй половине 1930-х гг. они так же не поступали. Только с 1946 г. начали предприниматься первые попытки отыскать оптимистичный дух Тукая в его произведениях. Однако поиски оказались скудными. Я хотел бы показать это на примере одной статьи Кави Наджми, появившейся в 1946 г. по случаю 60-летия со дня рождения поэта. Здесь автор приводит две цитаты из стихотворений без упоминания их названия и одно название стихотворения. Первая цитата: «Когда же, о несчастная [мусульманская] нация⁸², придет твоя весна? Когда уйдет ночь и наступит день? Может быть, он придет, ког-

да я уже буду в могиле...(...)). Эти слова К.Наджми интерпретирует так: «Поэт с нетерпением ждал нашей эпохи, зарю свободы, весну свободы»⁸³. Вторая цитата: «Однажды во мне обрывается надежда на какое-то счастье. И откуда-то приходит ко мне утренняя звезда по имени Будущее. Она сверкает в моих небесах, усиливает надежды. (...)»⁸⁴. Для К.Наджми это означает: «Он успокаивал себя и жил надеждой, что достигнет этого счастливого будущего». Имеет ли все сказанное реальную силу доказательства, чтобы утверждать, что Тукай был оптимистом – на это даже можно не отвечать. Но даже эти исключительно слабые «доказательства» К.Наджми должен был приукрасить замалчиванием цитат и неправильными данными.

Во-первых, К.Наджми не приводит названий цитируемых стихотворений, хотя в советской литературной критике так обычно не делалось. И только потому, что они больше пробуждают ассоциации «пессимизма», чем «оптимизма»: первое стихотворение называется «Көз», а второе – «Тәрәддөд вә шөбһә» («Колебания и сомнения»). Во-вторых, неверно утверждение, которым, возможно, К.Наджми пытался подчеркнуть оптимистичный характер стихотворений – это то, что оба этих произведения были написаны, когда «Тукай был уже тяжело болен и стоял на пороге смерти»⁸⁵. На самом же деле стихотворение «Көз» было опубликовано 15 октября 1906 г., а «Тәрәддөд вә шөбһә» – 13 февраля 1909 г. В-третьих, цитируя стихотворение «Көз», К.Наджми приводит три строки из него и просто-напросто опускает последующую фразу. И это стихотворение заканчивается словами: «Может быть, он придет, когда я уже буду в могиле», за этим еще следует: «Только тогда, когда в день Страшного суда я воскресну вновь после смерти»⁸⁶. А стихотворение «Тәрәддөд вә шөбһә» завершается словами: «Она сверкает в моих небесах, усиливает надежды. Как будто идет ко мне возлю-

бленная, чтобы утереть мои слезы»⁸⁷. Ни «Страшный суд», ни «возлюбленная, вытирающая слезы» никак не вписываются в картину, которую хотел бы нарисовать К.Наджми. То, что он выбрал именно эти цитаты для доказательства оптимизма Тукая, указывает на то, что остальные строки обоих стихотворений дают для таких утверждений еще меньше возможностей.

Отрывки, цитировавшиеся другими критиками до середины 1950-х гг., также не давали особых оснований для подтверждения оптимистического мировоззрения Тукая. В 1953 г. Ахмет Исхак привел пример стихотворений «Яшьләр» и «Кыйтга»⁸⁸. Еще в 1926 г. стихотворение «Яшьләр» оценивалось совершенно иначе: Габдрахман Сагди поставил ему диагноз «национальный пессимизм»⁸⁹. А о стихотворении «Кыйтга» Ахмет Файзи в 1940 г. сказал, что оно по своему содержанию является «самым пессимистичным» стихотворением Тукая⁹⁰. В 1955 г. один из первых, кто с 1938 г. пропагандировал оптимистичного Тукая, Гали Халит попытался подтвердить свою позицию при помощи того же стихотворения, что и Кави Наджми в 1946 г. – «Тәрәддөд вә шөбһә»⁹¹. Со второй половины 1950-х гг. мне неизвестна более ни одна статья, в которой имелась бы попытка доказать оптимизм Тукая при помощи цитат из его стихотворений.

С конца 1930-х гг. не только содержание стихов Тукая имело значение в оценке той роли, которую поэт придавал народу. Его стремление донести до народа все им написанное, «не искажая реальности», привело, по мнению Г.Халита, к тому, что отказаться от таких литературных течений, как символизм и романтизм, и в стиле, и в языке осознанно выражаться так, чтобы быть понятым массами. И тем самым он стал основателем реализма в татарской литературе⁹². С 1946 г. также ясно говорилось, что реалистический стиль Тукая не восходит к традициям татарской литературы, основным образцом

для него при этом являлось «русское реалистическое искусство»⁹³.

Во время Второй мировой войны в центре внимания находился не оптимистичный Тукай, творчеству и личности поэта придавались качества, которые в годы войны были особенно важны. В первую очередь, здесь следует упомянуть «патриотизм». В 1941–1945 гг. во многих статьях в татарской прессе утверждалось, что Тукай был патриотом, что видно уже из их названий⁹⁴. Уже через год после начала войны в Казани увидела свет монография на русском языке под названием «Габдулла Тукай – патриот»⁹⁵. В качестве такового он, кроме «своего народа», конечно, любил и «свою родину»⁹⁶. Но никогда точно не говорилось, что же имелось в виду под «народом» и «родиной» Тукая. Авторы статей избегали уточнения, и для них «татары» были идентичны «советским людям», а «родина татар» – Советскому Союзу. Если следовать официальной партийной линии, даже и не было необходимости что-либо пояснять, поскольку «народ» дефинировался не в национальном/этническом, а в идеологическом смысле: «народом» являлись эксплуатировавшиеся массы дореволюционного времени, а также трудящиеся советской эпохи. Если при этом еще проводить этническое или национальное разделение, то это могло расцениваться как «национализм» и иметь соответствующие последствия. То же самое относится и к понятию «родина». Полную идентичность понятий «народ» и «рабочие и крестьяне», а также то, что национальная принадлежность не играет никакой роли, в 1943 г. очень ясно показал Якуп Агишев. В качестве «доказательства» любви Тукая к «своему народу» он назвал стихотворение «Мужик йокысы»⁹⁷. В первой публикации этого стихотворения (26 ноября 1905 г. в «Фикер») сам Тукай отметил, что это «перевод и подражание» стихотворению А.В.Кольцова. Тем самым «любовь к своему народу» – татарам доказывается на при-

мере стихотворения русского поэта Кольцова. Выбор данного стихотворения подразумевал также и два дальнейших утверждения: любовь Тукая к народу связана с прогрессивным русским влиянием; поскольку «Мужик йокысы» вообще является первым опубликованным произведением Тукая, то любовь Тукая к народу существовала с самого начала. О значении понятий «нация», «родина», «дружба народов» в представлении о Тукае ниже я остановлюсь подробнее.

Война потребовала не только патриотизма, но также и мужества, героизма, бесстрашия перед врагом. И именно эти качества, по убеждению А.Кутуя, были характерны для Г.Тукая: «Тукай в первую очередь поэт-борец. Радость от жизни он видит в борьбе, только в борьбе. (...) Тукай – певец героизма. Страх перед врагом – позор для него»⁹⁸.

По окончании войны характеристики, дававшиеся татарскими критиками Тукаю, изменились. Двумя важнейшими темами, преобладавшими с 1946 до середины 1950-х гг., в представлении о Тукае были: влияние, которое оказывали на него русская культура и литература, и значение, которое придавалось Тукаю в повседневных политических событиях.

В статье, озаглавленной «Чынлык кече», Мухаммет Гайнуллин отметил: «Источником понимания революционной ситуации для Тукая служила революционная русская пресса, выходившая на русском языке в те годы»⁹⁹. Тукай следил за политической прессой, которая выходила не только в Уральске, но и в других городах»¹⁰⁰. То, что Тукай в Уральске читал русские газеты, сомнений не вызывает, все-таки Камиль Мутыгый-Тухватуллин, в типографии которого он работал, издавал и русские газеты. Но то, что он читал и русские издания, имевшие революционное содержание и издававшиеся в других городах, – это никак не доказывается, и М.Гайнуллин только заявляет об этом. Говорить о значении, которое

имели русская литература и культура для развития мировоззрения и творчества Тукая, как об этом писалось после 1946 г., я буду ниже.

Но здесь я хотел бы обратить внимание на то, что с конца 1940-х гг. отдельные представители татарской интеллигенции признавали, что высказывания на тему «Тукай и русская культура» были стереотипными и шаблонными¹⁰¹. Хотя они, по словам Наки Исанбета, не были неправильными, но они не касались одного только Тукая. Качества и заслуги, приписываемые Тукаю, могут быть обнаружены у сотен других татарских поэтов. Тукай не играл первопрородческой роли ни в пропаганде русской культуры среди татар, ни в борьбе против религиозного шарлатанства, оторванности от мира в мышлении и литературе, игнорирования или угнетения женщины. По мнению Н.Исанбета, эти темы «у нас имели уже столетнюю историю» до того, как Тукай впервые предстал перед общественностью¹⁰². Удивительно, но за подобную реставрацию татарского прошлого, что означало отрицание или, по меньшей мере, сомнение в русском влиянии, Наки Исанбет персонально не был осужден. Однако его объективно правильный анализ не совпадал с советским видением дел. И он был отвергнут.

После 1946 г. тогдашних татарских писателей все чаще упреками в том, что они уделяют недостаточно внимания актуальным темам. И в этом случае Тукай мог служить образцом: «писучесть» Тукая, часто критиковавшаяся до Октябрьской революции, была для критиков после Второй мировой войны особо положительной чертой поэта. То, что он «направил свое перо в сторону живой жизни своего времени, каждой злободневной проблемы», превратило его в трибуна, голос которого слышался всем¹⁰³. Советские критики не придавали особого значения тому, что основание для многих стихов и статей, действительно написанных Тукаем по поводу важных и неважных

«повседневных проблем», при известных обстоятельствах не было проявлением его жгучего интереса к ним или же его желания «своей творческой силой придать направление общественным событиям»¹⁰⁴. Хотя нет прямых доказательств того, что Тукай только потому писал много, что он постоянно нуждался в деньгах, но известно – после своего прибытия в Казань осенью 1907 г. и до своей смерти в 1913 г. у него не было постоянной работы, а значит, он существовал на гонорары от публикации своих стихотворений. Чтобы выжить, он должен был продавать свои стихи. А хорошо и много можно продать только те стихи, которые написаны в духе времени, и потому в них заинтересованы редакторы газет и журналов или же книгоиздатель. Даже если бы он сам захотел, что не может быть доказано или, наоборот, опровергнуто, он не смог бы написать стихи, например, в стиле Дэрдменда, имея только цель «выжить». Обладал ли он талантом для этого – это уже совершенно иной вопрос. И Тукаю оставалось только писать о «повседневных» проблемах для того, чтобы решить свою ежедневную проблему – найти деньги на существование. Хотя или возможно из-за того, что такое объяснение является материалистическим, оно никогда не принималось во внимание советской критикой. Она предпочитала этому идеалистический подход, согласно которому Тукай обращался к «повседневной» жизни народа только из чувства большой любви к нему.

Для того чтобы показать величие и значение Габдуллы Тукая для татарской культуры и литературы, имелась не только возможность выявления олицетворяемых им (положительных) качеств. Высокое качество его литературного творчества, его любовь к народу и оценка, которая давалась ему народом, а также его «глубокий оптимизм» можно было показать и критикуя критиков, отказывавших ему в наличии этих качеств. Такой опыт, т.е.

критика критики, охотно применялся с конца 1930-х гг. Вначале, примерно с 1938 г., осуждались критики, которые что-либо высказывали о творчестве Тукая при его жизни и в начале 1920-х гг., речь идет о «правых» критиках Тукая. Осуждение критиков, которые в конце 1920-х – начале 1930-х гг. рассматривали Тукая с «ультралевых», «вульгарно-социологических» позиций», началось только в начале 1950-х гг. Основа для критики критики в обоих случаях была одинаковой: заявление о том, что именно в их руках находится ключ к пониманию Тукая, его творчества и его времени.

Выяснение взаимоотношений между Тукаем и татарской буржуазией для критиков было лишь формальностью, так как для них было совершенно ясно, что Тукай любил народ, а народ отвечал ему взаимностью. Поскольку народ и буржуазия являлись антагонистическими классами, а Тукай представлял интересы народа, из этого автоматически следовало, что Тукай и буржуазия являлись врагами. Круг врагов Тукая, а значит и врагов народа, был очень велик и пестр. К ним причислялись: «буржуазные критики», прежде всего Галимджан Ибрагимов, отказывающие Тукаю в морали, совети и поэтическом таланте; «контрреволюционные националисты» во главе с Гаязом Исхаки, упрекавшие Тукая в аполитичности; «татарская буржуазия» под руководством Риззэтдина Фахретдина, заявлявшая, что талант Тукая не раскрылся и не был оценен народом при его жизни; «реакционные романтики», как Сагит Рамиев, распространявшие ложь, что Тукай использовался как инструмент всеми слоями и группами татарского общества и что он не написал ничего, что шло бы от него самого; «капиталистические издатели», превращавшие славу Тукая в звонкую монету; наконец, «буржуазные националисты» и «муллы», угрожавшие Тукаю на смертном одре, что он не может быть погребен по мусульманскому обычаю, если не откажется

от своих стихов, направленных против них¹⁰⁵. Но все старания «врагов» принизить Тукая в глазах народа не имели никакого успеха, они и не могли иметь успеха, потому что уже сам Тукай во всем разобрался и заявил: «Народ велик, народ могуч!»¹⁰⁶. И потому «масса поняла Тукая и его почитала»¹⁰⁷.

Для советских критиков с конца 1930-х гг. не составляло особого труда объяснить, почему же «буржуазные» татарские газеты и журналы уделяли так много внимания Тукаю до и после его смерти. После того как «враги Тукая» заметили, что они не смогут расколоть и столкнуть Тукая с народом, они нашли более «эффективный» способ и попытались использовать поэта в своих собственных интересах¹⁰⁸. Они попытались представить «нацию» и «народ» как одно и то же, и Тукай, по их мнению, был «народным поэтом, переживавшим за весь народ, близкий всем слоям»¹⁰⁹. Однако все это, как анализировал Гали Халит, являлось не чем иным, как прямой попыткой «не допустить в литературном процессе классового разделения, скрыть все противоречия и отличия между угнетателями и угнетаемыми под именем «нации» и «народа»¹¹⁰. В качестве наиболее известных представителей этой теории бесклассовости в литературе Г.Халит назвал Гали Рахима, Газиза Губайдуллина и Джамала Валиди¹¹¹.

Насколько мне известно, критика «ультралевых» критиков Тукая конца 1920-х – начала 1930-х гг. началась только после смерти Сталина и велась до 1980-х гг.¹¹². Возможным объяснением такой довольно поздней реакции является то, что все или почти все такие критики стали жертвами сталинской «великой чистки» и тем самым превратились в личности, не подлежащие упоминанию и после их физической смерти. Они были отправлены в один котел с «правыми» критиками, против которых они боролись самым энергичным образом: «В 20–30-е годы буржуазно-националистические ли-

тераторы, вооружившись вульгарно-социологическим методом, постарались изобразить Тукая как представителя буржуазной литературы»¹¹³. Но это, по словам И.Нуруллина, не удалось, потому что имелся «народ», имелись «сотни тысяч читателей», которые «не дали распространиться этой фальсификации»¹¹⁴. Констатация того, что Тукай являлся представителем «буржуазной» литературы, которую из разных соображений поддерживали как «правые», так и «ультралевые», о чем не упоминает И.Нуруллин, является правильной. То, что такая точка зрения не принималась и отвергалась «сотнями тысяч читателей», остается лишь голословным высказыванием¹¹⁵. Однако И.Нуруллин не забыл отметить, что при оценке Тукая «народ» получил поддержку от своего авангарда – «партии»: «При помощи партийной общественности поэт совершенно правомерно начал рассматриваться как революционно-демократический художник, а его общественно-политическая позиция получила новую оценку»¹¹⁶.

Второй момент, который ставился в вину «ультралевым» критикам и за который они задним числом осуждались, – это их отношение к прошлому. Они оценивали себя как великих «новаторов» и предполагали выбросить за борт все культурное наследие как содержательно, так и формально. Все старое, а значит и Тукай и его творчество, не имело никакой ценности для новой эпохи, которая началась именно с них¹¹⁷. Они пропагандировали «анархизм» и «нигилизм» и отрицали все «национальное». Именно эти обвинения ставились во главу угла в 1946 г., во время начавшейся кампании против журналов «Звезда» и «Ленинград»¹¹⁸. Эта ссылка на мнение «духовного отца» об «ошибках»¹¹⁹, имеющих в советской послевоенной литературе, давала критике желаемое историческое измерение, которое в этом случае приводило к весьма острым последствиям¹²⁰. Высказывание Хасана Хай-

ри от 1961 г. о том, что с конца 1920-х до середины 1930-х гг. велись оживленные дискуссии о Тукае, определявшиеся «идеологической борьбой»¹²¹, полностью поддерживалось. Правда, Х.Хайри «забыл» упомянуть, что и после 1955 г. идеология и политика определяли, каким должен представляться Тукай.

Для представлений о Тукае конца 1950-х гг., о котором пойдет речь в следующем разделе, характерна попытка деидеологизировать поэта и его творчество. Если определять отказ от идеологического звучания не как собственно «идеологию», то можно следующую фазу назвать «антиидеологической».

1.2.5. Тукай – гуманист (конец 1950-х – 1980-е гг.)

Никита Хрущев, занявший в сентябре 1953 г. пост первого секретаря ЦК КПСС¹²², в феврале 1956 г. выступил со своей знаменитой речью на XX съезде партии, в которой сообщил о репрессиях сталинской эры. Правда, в речи Хрущев не коснулся политики Сталина до 1934 г. и ничего не сказал о разгроме различных «оппозиционных» групп, насильственной коллективизации, которые в начале 1930-х гг. стоили жизни миллионам людей. Кроме того, в своих обвинениях он ограничился самим Сталиным и его «ближним кругом». Этими ограничениями Хрущев хотя и наметил изменение положения, но все же одновременно сделал понятным, что речь не идет о начале совершенно новой эпохи сомнения во всем и тотального переустройства системы.

Самое большое воздействие на общественную жизнь в Советском Союзе, связанное с именем Хрущева, – это, конечно, разоблачение Сталина. Демонтаж Сталина, который до самой своей смерти в 1953 г. считался и почитался как «отец народов, величайший полководец в мировой истории, победитель нацистской Герма-

нии, спаситель человечества, гениальный теоретик, кумир для коммунистов всех стран»¹²³, привел к новой свободе не только в самом Советском Союзе, а также и в восточноевропейских государствах-сателлитах¹²⁴. По окончании XXII съезда КПСС в октябре 1961 г. тело Сталина было вынесено из Мавзолея (Ленина). Десталинизация в этом отразилась с двух сторон: с одной стороны, известные на то время преступления Сталина были раскрыты и осуждены; с другой стороны, однако, этим давалось понять, что данная тема закрыта, иначе говоря, дальнейшая критика нежелательна.

Партийный съезд в 1961 г. принял новую Программу партии с заключением, что строительство социализма в СССР завершено, теперь он находится в фазе перехода к коммунизму¹²⁵. Прямым следствием осуществленного социализма стало заявление о том, что закончена «диктатура пролетариата». Теперь пролетариат становился не «господствующим», а «ведущим» классом. Антагонистические противоречия исчезли, а классовая борьба осталась в прошлом.

Политика реформ и переустройства в политике, промышленности, сельском хозяйстве и культуре, проводившаяся под руководством Хрущева, не удалась. Хотя производство промышленной и сельскохозяйственной продукции увеличилось, все равно ее показатели были гораздо ниже запланированных, что вело к недовольству среди занятых в этих сферах людей. Если здесь успех был слишком мал, то в партии о политике он был «слишком большим»: многие функционеры были убеждены, что политика десталинизации, которую проводил Хрущев, зашла слишком далеко и вообще ставит под вопрос ведущую роль партии, прежде всего, в области культуры. Кроме того, его личные качества для того, чтобы занимать высший пост в СССР, были поставлены под сомнение многими советскими гражданами, когда в 1960 г. он, возмущившись, прервал свою речь

перед Генеральной ассамблеей ООН, снял свой ботинок и стучал им по трибуне¹²⁶.

На Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. Хрущев был смещен. На его место вступил Леонид Брежнев. Эпоха советской истории, которая началась с этого события и завершилась после смерти Брежнева в ноябре 1982 г., по выражению Дж.Хоскинга, стала временем «величественной медлительности»¹²⁷. Еще Хрущев заявил о построении в СССР социалистического общества. При Брежневе же социализм стал полностью «реальным»: «Создание выражения «реальный социализм» похоронило все утопические цели. Неподвижность стала идеалом. (...) Единственно динамичная технократическая мораль, казалось, все более и более подчинялась производству «стационарного тоталитаризма» с тенденцией – поставить собственные специфические интересы ведущих кадров в один ряд с общими ценностями»¹²⁸.

В период длительного правления Брежнева не произошло никаких важных структурных или идеологических изменений¹²⁹. Статус-кво действительного стал осуществленной утопией. Время от перехода власти к Брежневу до начала перестройки под руководством Горбачева¹³⁰ по праву называют годами застоя» (по-татарски – торгынлык еллары).

До 1962 г. оценка сталинской эпохи была темой многих произведений русской литературы. Вероятно, наиболее известным, но одновременно последним сочинением на эту тему стала повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», которая была опубликована в 1962 г. после личного разрешения Хрущева. Но совсем скоро после XXII съезда партии как Хрущев, так и Ильичев, руководитель идеологического отдела ЦК, на двух собраниях, на которые были приглашены и сотни писателей, дали понять, что потребности в новых литературных произведениях о сталинском времени нет. Они одновременно

предупредили об опасности «буржуазного влияния» в советской литературе и призвали к тому, чтобы принципам социалистического реализма (партийность, идеологическая зрелость и народность) уделялось усиленное внимание¹³¹.

Одновременно с новой «политической» литературой, разрабатывавшей и перерабатывавшей тему сталинизма, возникла и «неполитическая» новая литература. Она была «неполитической» потому, что концентрировалась на «общечеловеческих проблемах». Темой этой литературы был отдельный человек, «со своими особенностями и своими душевными переживаниями, со своей радостью и своей болью, своими сомнениями и своим несовершенством»¹³². Эта литература заявляла о праве индивидуума на собственную жизнь, жизнь, которая не определяется только политикой и идеологией, которая не похожа на ровное течение и полна поворотов, конфликтов и противоречий, а человек сам сознает это. То, что партия не была готова терпеть писателей, неугодных ей, показало дело Пастернака 1958 г., а так же события 1962 г. Молодой поэт Иосиф Бродский был арестован и в феврале 1964 г. осужден за тунеядство и «паразитический образ жизни» на пять лет принудительных работ. В августе 1965 г. милиция арестовала Андрея Синявского и Юлия Даниэля, которые опубликовали свои сочинения на Западе без соответствующего разрешения (под псевдонимами). Приговор гласил – за «сатирическое изображение общества», и они были осуждены к семи и пяти годам принудительных работ. После дальнейших арестов и осуждений во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. власти перешли к новому методу: строптивые поэты и писатели просто выслались из СССР или же им разрешался выезд за границу, а затем запрещался въезд обратно в СССР¹³³.

Приговор Синявскому и Даниэлю «продемонстрировал конец надежд

на либеральную политику во времена Брежнева»¹³⁴. «Смещение Хрущева означало для русской поэзии конец такой политики: самообман, поддерживаемый всевластной пропагандой, становился очень значительным, и было желание от него освободиться»¹³⁵.

С 1965 г. русская литература таким образом разделилась надвое. На одной стороне стояли те писатели и поэты, которые отказывались от сотрудничества с партией и государством. Если они не были высланы за границу, то они публиковались в самиздате. Их произведения были как «неполитическими», так и «критическими» по отношению к Советскому Союзу.

На другой стороне находились официальные, верные партии авторы, произведения которых публиковались большими тиражами. На очередных съездах писателей в 1967, 1971 и 1976 гг. они подтвердили полную гармонию между литературой и партией. Такое единство было вовсе неудивительным, потому что «писатели сами превращались в партаппаратчиков, и наоборот». Это явление увенчалось тем, что в апреле 1979 г. председатель Союза писателей СССР Георгий Марков вручил Ленинскую премию по литературе Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу за его мемуары. Марков заявил, что эти произведения были отмечены высокой наградой, «потому что по своей популярности и воспитательному значению на читательские массы книги Леонида Ильича (Брежнева) единственные в своем роде и не имеют себе равных»¹³⁶.

Совершенно очевидно, что все это являлось фикцией, это даже подтверждается опросом, проведенным среди читателей во времена позднего Брежнева, в конце 1970-х гг., когда у них спросили об их литературных предпочтениях. Результат показал, что «отечественные читатели не особенно интересуются современной литературой социалистического реализма, а предпочитают классическую русскую литературу, произведения, написанные

в советское время, но находящиеся в опале, а также разного рода иностранную литературу»¹³⁷. На 8-м съезде писателей, состоявшемся уже в период перестройки, в июне 1986 г., издательская политика Союза писателей и государственных издательств впервые была подвергнута критике. Молодые авторы и критики упрекали их в том, что величина тиража устанавливается от той ступени, которую автор занимает в партийной иерархии. Книги, которые никто не желает читать, издаются сотысячными тиражами. Кроме экономических потерь, это является также грубым пренебрежением интересами читающего народа¹³⁸.

Решение о роспуске СССР 8 декабря 1991 г. решило также и многие проблемы советской литературы.

В послевоенное время татарская литература впервые обсуждалась на 2-м съезде советских писателей в декабре 1954 г. Начало дискуссии положил Гумер Баширов, который, спустя месяц после смерти Сталина, 4 апреля 1953 г., был избран новым председателем Союза писателей ТАССР. В своей речи на съезде он говорил о традиционных и совершенно общих достижениях советской литературы и о наличии в татарской литературе немало количества ошибок и недостатков. В качестве примера он привел «поэму» (это слово было поставлено им в кавычки) Махмута Хусаина «Шанлыярда туганнар», опубликованную в «Яшь сталинчы» в августе 1954 г. По словам Г.Баширова, это произведение полно «шаблонных предложений, бездушных слов», что оно написано «без волнения, без приложения особых усилий», что « в нем нет никакой поэзии»¹³⁹. Он добавил, что такого рода ошибки присущи не только поэзии, но часто встречаются и в других жанрах татарской литературы, и призвал к тому, чтобы их преодолеть. Свою критику Баширов продемонстрировал не только потому, что «ошибки» в «поэме» были очень существенными. Возможно, что основанием для его выбора стало и то, что ав-

тор поставил как дату написания произведения «1948–1954 гг.». Эти цифры дали Баширову весьма благоприятную возможность на основании одного сочинения направить свою критику против всей татарской литературы именно этого периода. Такой метод был, конечно, и тактически разумным: если бы вновь изменились политико-идеологические ориентиры, что в 1954–1955 гг. было вовсе не исключено, то он смог бы обосновать свое мнение тем, что он критиковал исключительно одно-единственное произведение. После Баширова к хору критиков присоединились и другие писатели и установили, что в татарской литературе преобладает «посредственность» (уртачылык)¹⁴⁰.

В этих обсуждениях бросается в глаза то, что звучало очень много критики и при этом явственно преобладали «негативные» высказывания, т.е. не было восхваления или признания удачных произведений, отсутствовали конструктивные предложения об улучшении, касавшиеся желаемых качеств литературы, важных тем и соответствующих времени языковых и стилистических средств. Критические высказывания, звучащие в татарских литературных дискуссиях постоянно и еще имевшие место в конце 1950-х гг., что литература не поспевает за эпохой и не может удовлетворить потребности и ожидания своих читателей¹⁴¹, мало способствовали появлению новых импульсов для дальнейшего развития литературы. Они являлись шаблонами точно так же, как и шаблонное изложение, критикуемое в литературных произведениях¹⁴². Карикатура на титульном листе сатирического журнала «Чаян» в мае 1958 г. очень ярко демонстрирует это: здесь изображены семь человек, бегущих наперегонки по кругу. На книгах, которые каждый из них держит в руках, поставлены их названия – «Поэзия», «Юмор-сатира», «Проза», «Детская литература», «Драматургия», «Литературный перевод», «Литературная критика». Подпись к рисунку гла-

сит: «Чаян: Вот и обвиняют они друг друга: Ты отстал, нет, ты отстал! И никто не знает, кто из них впереди, а кто позади!»).

Такая неопределенность сохранялась, по меньшей мере, до начала 1960-х гг. До того времени, насколько мне известно, в татарской послевоенной литературе только одна тема стала новой и одновременно успешно развивающейся – это тема любви. Любовь, понимаемая как чувство, возникающее между людьми, а не как любовь к партии, родине или же к работе, с середины 1920-х гг. стала для советской литературы и общественности «нежелательной» темой. В 1926 г., например, Гумер Галиев констатировал, что описание автором эмоциональной связи двух людей может привести только к чрезмерному выбросу «любовных секречий», а потому все это буржуазно и совершенно чуждо для социалистической литературы¹⁴³. Афзал Шамов приравнивал любовь к «половой распущенности» и «порнографии»¹⁴⁴.

«Почти неестественную чопорность», господствовавшую в советской литературе во времена Сталина, отметил и Оскар Мария Граф, принимавший участие в съезде советских писателей в 1934 г.¹⁴⁵. На этом фоне особое значение приобретают слова Ахмета Исхака, который летом 1958 г. заявил, что важнейшей тенденцией современной татарской поэзии является любовная лирика и что стихи, написанные на тему «любви», «в большинстве случаев являются достаточно сильными»¹⁴⁶. Однако, как отметил он дальше, это является единственным радующим моментом, который можно выделить при разговоре о татарской лирике конца 1950-х гг. «Политическая» и «гражданская» лирики являются поверхностными, лишены вдохновения и полны шаблонов, и в «философской лирике дела обстоят неважно», «невелики успехи в публицистической поэзии»¹⁴⁷. Решительное требование изменения такого положения в конце 1950-х гг. поставило татарскую литературу, так же как и

русскую, перед трудным вопросом: какая литература и какие писатели могли бы и должны были бы служить образцом и ориентиром для тогдашних авторов? Литература и литераторы сталинской эпохи подверглись критике, они представляли собой в высшей степени отрицательный пример. Западная, т.е. «буржуазная», литература была отвергнута, по крайней мере, верными партии критиками¹⁴⁸. Единственное, что оставалось, это опора на собственное литературное наследие¹⁴⁹.

В татарской литературе это, прежде всего, означало, что «откапывались» те писатели и поэты, которые в 1920-е – 1930-е гг. определялись, критиковались и частью «юридически» осуждались как «правые». К таковым, например, относились Галимджан Ибрагимов, Шамиль Усманов, Карим Тинчурин, а также Фатых Амирхан. Собрания сочинений или избранные труды первых из троих названных авторов появились в 1956 г., произведения Ф.Амирхана были изданы в 1957 г.¹⁵⁰. Окончательная реабилитация Дэрдменда и Сагита Рамиева произошла после острых споров только во второй половине 1960-х гг.¹⁵¹. Такие литераторы, как Гумар Тулумбайский, которые после 1936 г. были обвинены в «левом уклоне» и, большей частью, погибли во время репрессий, не были затронуты в дискуссии рубежа 1950-х – 1960-х гг. Они были реабилитированы как личности только после распада Советского Союза, но критическая оценка их литературного творчества еще по-настоящему не дана.

Одновременно с «оживлением» названных авторов, которые довольно долгое время являлись объектом жестокой критики или же просто замалчивались, началась и реинтерпретация поэтов и писателей, которые и во времена Сталина пользовались высоким признанием. Теперь же просто заявлялось, что в сталинское время они представлялись неверно, и только теперь новые оценки выявят их истинное значение. Самым известным примером

такого подхода и такой аргументации является Габдулла Тукай¹⁵².

Вновь заслужившие почет и уважение или же сохранившие свою репутацию прежние поэты и писатели представлялись молодым татарским авторам как образец и яркий пример. Они во многом были лучше, чем все, кто пришел после них. Очень ясно такую позицию выразил Сибгат Хаким в своем стихотворении «Тукай һэйкәле янында»: «В поэтическом море, оставшемся после тебя, встречается довольно много мелких мест, и то, что ты видел еще в те времена, и сегодня не видят некоторые поэты»¹⁵³. Так становилось почти обязательным, когда критики, пожелавшие позитивно оценить какого-либо (молодого) автора, особенно подчеркивали влияние на него старых поэтов. Например, о Габдрахмане Абсалямове, лауреате Тукаевской премии 1959 г., самом продуктивном татарском писателе периода Второй мировой войны, было сказано следующее: «С самого детства в его сердце вошел Тукай»¹⁵⁴. Тукай и другие поэты его времени были объявлены основателями «литературной школы» и, тем самым, прямыми родоначальниками современной татарской литературы¹⁵⁵. Наследие легитимировало наследников – максимально тесное и прямое отношение к прошлому становилось условием для успеха в настоящем.

Как уже упоминалось выше, внимание, которое уделяли писатели и поэты конца 1950-х гг. теме «любви», и благосклонный прием таких произведений со стороны критиков показывали, что теперь и в татарской литературе главными темами и основой литературного творчества являлись не политика и идеология. Точно так же, как и их русские коллеги, молодые татарские авторы с середины 1960-х гг. все больше обращались к отдельному человеку, межчеловеческим отношениям и «общечеловеческим проблемам». То, чего всегда добивалось политическое руководство, теперь без его «помощи»

становилось реальностью – единство советской литературы. Правда, эта новая литература отличалась от официальной «советской литературы» тем, что ее тематика была не специфически советской или же только «социалистической», а «человеческой»¹⁵⁶.

Изображение психологических процессов в развитии отдельного человека, описание внутренних противоречий, которые не обязательно должны быть разрешены, воспринимались молодыми татарскими авторами как абсолютная необходимость¹⁵⁷. По мнению Аяза Гилязова, одного из видных сторонников нового подхода, существовавшая до сих пор литература была примитивной и упрощала реальность. Этот недостаток можно было объяснить тем, что авторы таких сочинений и критики, которые их возвеличивали, либо были бесталанными, либо совершенно сознательно пытались разрушить способность читателей думать. Однако цель литературы не та, чтобы сказать читателю, что он должен думать. Задача литературы и литературной критики «в первую очередь заключается в воспитании граждан со свободным мышлением»¹⁵⁸.

Такое понимание литературы оставалось не бесспорным. Верные партии литераторы, как и раньше, требовали произведений, содержание которых было бы ясным и без труда могло быть понятым читателями. Литературовед Хасан Хайри, родившийся в 1910 г., был в конце 1960-х гг. важнейшим представителем таких «консерваторов». Он критиковал, что преимущественно молодыми авторами поддерживается литература, в основе которой лежит «узкий субъективизм», и при этом «мировоззренческая позиция автора» не играет никакой роли для определения разницы между «белым» и «черным», так как каждое поколение и каждый по отдельности человек имеют собственное понимание¹⁵⁹.

Таким образом, с начала 1970-х гг. в татарской литературе были представлены две противоположные позиции –

одни настаивали на действенности «советских ценностей», другие считали необходимым приобщение к (западной) современности.

Переоценка Габдуллы Тукая шаг за шагом началась уже в 1950-е гг. В своем вступительном слове к четырехтомному изданию произведений Тукая 1955–1956 гг. Гали Халит согласился с тем, что представление о примирении всех людей и классов, и мнение о том, что политические изменения могут быть достигнуты только через изменение сознания, оказали большое влияние на мировоззрение Тукая. Однако Гали Халиту было ясно, что такое мнение Тукая было неверным¹⁶⁰. После этого первого признания того, что и Тукай допускал «ошибки», во второй половине 1950-х гг. последовало и требование не приписывать Тукаю тех качеств, которыми он, во-первых, не обладал, и, во-вторых, которые не обязательны для того, чтобы доказать его величие как поэта. Насколько мне известно, одним из первых открыто выразил такую точку зрения С.Кирьянов, живущий в Татарстане русский критик, член Союза писателей ТАССР. На одном из собраний критиков 1 июля 1957 г. он заявил: «Иногда Тукай изображается так, как будто он мыслит совершенно по-марксистски, что он критикует эту эпоху с марксистских позиций. Тукай был народным поэтом, прогрессивным писателем, революционно-демократическим поэтом. И это не принижает его творчество. Зачем из него делать марксиста?»¹⁶¹.

Это требование объективности в представлении и оценке Тукая (а также и других ранних поэтов) в 1960-е гг. положило начало острой дискуссии и разделило не только татарских критиков и писателей, но и общественность, проявляющую интерес к литературе¹⁶², на два лагеря. Советские «традиционалисты» твердо и неукоснительно защищали свою интерпретацию, согласную которой Тукай, даже если и не был большевиком, был, по крайней мере,

«близким другом татарских большевиков» и «своим народным творчеством готовил татарских трудящихся к революционной борьбе»¹⁶³. Он не только боролся за коммунизм, но и «принимал участие в строительстве здания коммунизма»¹⁶⁴. Эти высказывания могли быть инспирированы идеей, что Советский Союз находится на стадии перехода к коммунизму, что было объявлено в начале 1960-х гг. при Хрущеве. С 1965–1966 гг. стало ясно, что для части критиков основной стала характеристика Тукая как борца за дело социализма. Они очень часто «доказывали» правильность такой оценки с помощью цитаты из письма, написанного Тукаем Сагиту Рамиеву. Соответствующее место из письма гласит: «Я не такой как ты, не только чистый поэт, я к тому же и дипломат, и политик, и общественный деятель»¹⁶⁵. Предложение, предшествовавшее этим словам, оставалось, однако, «забытым», а оно было следующим: «Потемнело перед глазами, я потерял все надежды на национальную жизнь, национальное существование и все мои мечты»¹⁶⁶.

В середине 1960-х гг. одним из самых решительных сторонников «социалистического Тукая», а соответственно и врагом новой деполитизированной интерпретации поэта был историк Р.Нафиков. Я хотел бы полностью процитировать его длинный список тех лиц и группировок, к «уничтожению» (себерелеп түгелергә) которых призывал Тукай своим творчеством, потому что он очень явственно показывает, что классовая ненависть и в середине 1960-х гг. напоминала прошлое: «Ишаны в чалмах как стог, мякинные головы; ахуны – доносчики и шпионы; двуличные, капустоголовые муллы, распространявшие ислам с помощью жандармской сабли; националисты, все стонущие о конце нации; жадные татарские баи – воры, жулики; волки-меньшевики и черносотенцы; самые правые среди правых Гучковы¹⁶⁷; арбузоголовые Пуришкевич¹⁶⁸ и компания – все они забра-

лись на шею простого рабочего народа, и все эти человекоподобные животные¹⁶⁹, вся их династия должны быть начисто выметена. Вот к этому и призывает поэт»¹⁷⁰. Типичным для аргументации Р.Нафикова шахматным ходом соединяются два элемента, которые не обязательно связаны друг с другом и совершенно иначе интерпретированы современниками Тукая, например, Г.Ибрагимовым: развитие литературы Тукая и идеология. Р.Нафиков пишет: «В одно время, когда Тукай все более мастерски описывал своим пером все эти социальные уродства и опухоли в России, усиливался и призыв его к революционному движению против существовавшего строя»¹⁷¹. Похоже, как со стороны содержания, так и языка представление и оценка Тукая, демонстрируемые Р.Нафиковым и другими участниками дискуссии, восходят к попыткам убрать поэта и его творчество с самого переднего фронта идеологического противостояния, имевшего место во второй половине 1950-х гг. Позиция Р.Нафикова вновь более близка представлению о Тукае, установленному во времена Сталина с середины 1930-х гг.

Некоторые критики занимали как будто срединную позицию. Они заявляли, что мировоззрение Тукая определяет «революционный гуманизм»¹⁷². Хотя они и признавали, что после 1907 г. в творчестве Тукая отражаются «грустные мотивы», одновременно они все же утверждали, что основу этого ни в коем случае нельзя видеть в «страхе Тукая перед жизнью» или же в «пессимизме»: «здесь только присутствовала боль честного художника за то, что в условиях русской действительности стремления человека к истине и справедливости не могут быть реализованы»¹⁷³. Такое объяснение с идеологической стороны являлось сомнительным, поскольку оно признавало, что условия своего времени мешали развитию Тукая, и он не был в состоянии противопоставить им что-то позитивное. Тем самым это объясне-

ние вступает в противоречие с мнением Р.Нафикова и критиков сталинского времени, утверждавших, что в годы реакции после 1907 г. идеологическое сознание Тукая развивалось и служило совершенствованию его литературных способностей.

Самая острая критика представлений о Тукае, имевших место до того времени, касалась требования прекратить, наконец, фальсификацию его личности и его творчества. Эта позиция, которую с начала 1960-х гг. одним из первых наиболее отчетливо занял Ибрагим Нуруллин, совершенно четко отличалась от всех предыдущих позиций татарской критики. И в ранних дискуссиях и спорах о Габдулле Тукае всегда встречались упреки и обвинения в том, что другая(ие) сторона(ы) неверно трактует его личность или творчество. То, что теперь требовал И.Нуруллин, – отойти в конце концов от такой манеры, чтобы инструментализировать Тукая в качестве легитимизации какой-то определенной идеологической точки зрения. Он требовал объективности, которая также не была лишена противоречий.

Первая статья, которой И. Нуруллин привел в смятение татарскую общественность, интересующуюся литературой, появилась в журнале «Совет әдәбияты» в декабре 1961 г. Речь в данном случае шла о появившемся в 1960 г. сборнике воспоминаний о Тукае¹⁷⁴. Нуруллин упрекал редактора Сагита Исанбая и ответственного редактора, автора предисловия Гали Халита в том, что они «из желания «возвеличить» и «улучшить» Тукая сознательно фальсифицировали статьи в сборнике. Отдельные предложения и даже абзацы были выброшены, некоторые части текста изменены. Просто-напросто была скрыта вся информация, которая никак не подходила под образ боевого поэта, являющегося образцом для молодежи»¹⁷⁵. Например, то, что он порой играл, как ребенок, что он уже в самые ранние годы начал курить, что ему не был чужд алкоголь,

что он был постоянным читателем газеты «Тәржеман»¹⁷⁶, что он очень почитал Толстого и, как и Толстой, нередко ходил в крестьянской одежде и босиком¹⁷⁷. Такие действия И. Нуруллин комментировал следующим образом: «Почему же лишать Тукая ветвей и листьев и оставлять его в виде сухой палки?»¹⁷⁸ (...) Ни у кого нет права заходить в чужой дом и расставлять там мебель по своему вкусу! Это настоящий произвол! И это называется наукой? И это вовсе не возвеличивание Тукая, это, наоборот, унижение его, оскорбление»¹⁷⁹.

Статья Ибрагима Нуруллина «Шагыйрне өйрәнү юлында», опубликованная в марте 1966 г., продолжила прежние его высказывания на эту тему¹⁸⁰. Он вновь критикует то, что за прошедшие 10–15 лет представление о Тукае формировалось как «одностороннее», при этом немало фактов фальсифицировалось с целью изобразить поэта как «человека, не знающего никаких колебаний и сомнений»¹⁸¹. Такой точке зрения И.Нуруллин противопоставил Тукая, в творчестве которого есть немало переломов и противоречий, который ни в коем случае не сражался всегда на переднем крае битвы за социализм и коммунизм, чье политическое сознание все-таки было развито слабо, который не всегда подавлялся царской цензурой, который писал не только «из головы», но и «из живота». Тем самым почти по всем пунктам Тукай Нуруллина совершенно отличается от Тукая, которого изображали верные партии критики, такие как Камиль Фасеев, Зиннат Ишмухаметов или Рафик Нафиков¹⁸².

Возможное возражение, что необходимо особенно выделять положительные стороны Тукая, «чтобы воспитывать молодое поколение»¹⁸³, И. Нуруллин формально признает, но считает, что «обращать внимание на положительные стороны поэта – это одно дело, и совершенно другое дело – отрицать его недостатки, противоречия, объявлять, как будто их вовсе

не было». На мой взгляд, это высказывание И.Нуруллина было в татарской критике первым, когда упоминаются не только противоречия в личности и творчестве Тукая, но и устанавливается наличие «недостатков». И.Нуруллин продолжает: «Короче говоря, не наступило ли время перестать обманывать самих себя?».

Статья И.Нуруллина привела к оживленному обмену мнениями. Если говорить о точках зрения, появившихся в татарской прессе, то сторонники и противники его позиции составляли примерное равновесие. В статье «Инәсеннән жебенә кадәр» на сторону И.Нуруллина встал Шариф Байчура¹⁸⁴, который привел новые примеры фальсификаций. Здесь я хотел бы привести только два из них. Первый – о стихотворении Г.Тукая «Китмибез!». Тукай не написал его как «ответ» на кампанию «татарских реакционеров», призывавших татар покинуть Россию, как это до 1960-х гг. представляли советские критики¹⁸⁵. Ш.Байчура показывает, напротив, что поводом для написания стихотворения стал призыв «убирайтесь в Турцию!», прозвучавший со стороны правых депутатов Государственной Думы в адрес мусульманской фракции на заседании 4 мая 1907 г.¹⁸⁶ Кроме того, Ш.Байчура обнаружил и дальнейшие редакционные «улучшения» в сборнике «Тукай турында замандашлары», который критиковался И.Нуруллиным уже в конце 1961 г. Статья Ф.Сайфи-Казанлы, включенная в этот сборник, называется «Татар халкының олуг каһарманы». Ф.Сайфи-Казанлы написал эту статью тогда, когда он еще восхищался Тукаем, и в начале текста первой публикации в «Ялт-Йолт» (10.06.1913. – № 55) привел строки из стихотворения Тукая: «Моя большая душа не любит этот мир, потому что весь мир преходящ». В сборнике 1960 г. эти строки отсутствуют, зато в конец статьи составители включили предложение, которого в оригинале вообще нет: «Тукай был народным поэтом, и он стал жертвой ка-

питалистической жизни». Такую фальсификацию Ш.Байчура оценивает как особенно неуклюжую, потому что «в 1913 г. развитие мысли и взгляд на мир Ф.Сайфи еще не дошли до такого уровня, чтобы употребить такое предложение». Кроме того, составители ни одним словом не упомянули, что Сайфи с 1923 г. превратился в одного из безжалостных критиков Тукая. Из своих наблюдений Ш.Байчура сделал все-таки достаточно мягкий вывод: «Названные выше факты ясно показывают, что в области изучения творчества великого поэта есть еще немало недостатков». Примерно в таком же духе, как И.Нуруллин и Ш.Байчура, в 1966 г. критиковали существовавшее ранее советское представление о Тукае Фатых Хусни и Гали Хикматуллин¹⁸⁷.

Однако упрек в фальсификации может быть предъявлен и самому И.Нуруллину. В сборник воспоминаний о Тукае, изданный им к 100-летию поэта совместно с Рифом Якуповым в 1986 г.¹⁸⁸, включена статья Ахмета Урманчеева, которая была опубликована в издававшемся им самим сатирическом журнале «Ялт-Йолт» 10 июня 1913 г. Так вот, в сборнике 1986 г. отсутствует последний абзац первоначальной публикации: «Среди татар Тукай, несомненно, был поэтом, не сравнимым ни с кем. Народ его не понял. И потому народ не смог извлечь пользы из его несравненных произведений. Он умер из-за страданий народа. И теперь страдания остались только народу»¹⁸⁹. Представляется невозможным, чтобы издателям сборника 1986 г. не были известны эти строки. То, что они просто-напросто были опущены И.Нуруллиным и Р.Якуповым, показывает, что и в середине 1980-х гг. еще имелись табу: характеристика Тукая как «поэта татарского народа» была и осталась аксиомой, которая потому является неточной, что в понятие «татарский народ» в разное время вкладывались совершенно различный смысл и содержание, которые не могли и не должны были ставиться под сомнение.

Консервативные, верные партии критики в 1960-е гг. были задеты инициатором И.Нуруллиным дискуссией и резко выступили против него. Р.Нафиков, позиция которого была рассмотрена выше, не был единственным, кто в самой острой форме высказал свою точку зрения. В совместной статье М.Абдрахманов и К. Фасеев осудили аргументацию И.Нуруллина как «несовместимую с марксистско-ленинской эстетикой»¹⁹⁰. По их мнению, у И.Нуруллина отсутствовали «положительные мысли» (!), он ставил под сомнение самые лучшие традиции в творчестве Тукая. И это являлось не чем иным, как «неуместным оскорблением поэта». И в конце публикации авторы заметили: «Статья И.Нуруллина производит исключительно тяжелое, некрасивое впечатление. Автора интересует не тот Тукай, которого мы все знаем, а совершенно другой Тукай, без политического лица, он хочет видеть в нем заблудившегося и запутавшегося поэта. Если проверить «объективно», говорит наш критик, действительно получился бы совершенно иной Тукай». Т.е. Нуруллина упрекали именно в том, что он сам намеренно приписывал «другой стороне». И это, по мнению Абдрахманова и Фасеева, он пытался скрыть под прикрытием поиска «объективности». Он заявлял, что ищет «истину» и «объективность» о Тукае, но то, что он нашел, это была не «истина», а «его собственная истина». И.Нуруллин позволил себе оставить без внимания творчество Тукая и, по мнению Мухаммета Гайнуллина, «допустил непростительную несправедливость»¹⁹¹.

Дискуссия об «истинном Тукае» в середине 1960-х гг. фактически «застряла». «Старые» критики и «новые» критики стояли друг против друга не без слов, но и без всякого понимания. На мой взгляд, безвыходность этой дискуссии была связана, прежде всего, с требованием объективности со стороны «новых» критиков: они не утверждали, что Тукай был аполити-

чен; они не утверждали, что творчество Тукая несовершенно с литературной стороны; они не утверждали, что аргументы, используемые «старыми» критиками, неверны. Но они утверждали, что тем самым говорится не все. Они настаивали на том, что в личности и творчестве Тукая имеются аспекты, которые «старая» критика и представление просто оставили «под столом». Вскрытие противоречий, а также и недостатков означало для Ибрагима Нуруллина, Шарифа Байчуры и Фатыха Хусни не оскорбление или принижение Тукая, не желание оспорить значительное место в истории татарской литературы, как заявляли их оппоненты. Представители «новой» критики пытались «очеловечить» Тукая. Для Нуруллина и его единомышленников было просто трудно представить поэта без каких-либо углов и шероховатостей, без сомнений в самом себе, без неуверенности, например, в своем будущем или в обществе, в котором он жил. Они представляли мнение, что нет «окончательной и единственной истины». Они утверждали, что могло произойти не только «то или другое», а именно было «то или другое».

Дискуссия между представителями двух позиций прошла безрезультатно. Ни одна из сторон не смогла убедить в чем-то другую. Можно утверждать, что дискуссии о личности и творчестве Тукая после дебатов 1966–1967 гг. явно потеряли свой накал. Повидимому, причину этого следует видеть в отсутствии новых аргументов. То, что можно было сказать, было уже сказано.

В середине 1970-х гг. Гали Халит сделал попытку психологически проанализировать Тукая. Его статья называлась «Тукай. Лирик герой. Жанр диалектикасы»¹⁹². Г.Халит теперь считает главной заслугой Тукая следующее: «(Лирика Габдуллы Тукая) смогла проникнуть в духовный мир человека, иначе говоря, поднялась до открытия диалектики индивидуальных людей на основе психологического анали-

за. Поэт был верен самому большому достижению реалистической поэзии – традиции отражения духовного мира человека, единства его мыслей и переживаний, гармонии жизненного разнообразия и противоречий, психологической глубины необходимой связи личности, ее общественного окружения и реальности»¹⁹³.

Примечателен этот отрывок потому, что со второй половины 1930-х гг. Гали Халит являлся одним из ведущих экспертов по Тукаю, и тогда он подчеркивал «правильное идеологическое сознание поэта и политическое значение его творчества. Теперь же, в 1976 г., он отошел от политизированной характеристики Тукая и дал психологические объяснения, что подтверждает – и в официальной, верной партии критике происходило переосмысление. «Психология» или «диалектика души» вовсе не были самоцелью. Г.Халит же не сказал, что нет никакого политического Тукая, но политический аспект не выдвигался теперь на передний план. «Для Г.Тукая был чужд метафизический рационализм (!), то есть заранее подготовленные и закостеневшие идеи и догмы, точно так же нехарактерно для него субъективное, индивидуалистическое понимание мира. Наоборот, он твердо встал на путь исторического и психологического понимания реальности и внутреннего мира человека. (...) И это самое важное отражение в поэзии «диалектики души»¹⁹⁴.

В середине 1970-х гг., таким образом, Тукай представал не как поэт «политического внешнего мира», а как поэт «психологического внутреннего мира». Связь между этими двумя образами Гали Халит провел очень явно уже в названии своей статьи – это диалектическая связь. Таким определением позиции, очевидно, были удовлетворены все критики – и «старые», и «новые», высказывания Гали Халита не критиковал никто. И потому в 1986 г. в монографии Наипа Лаисова, появившейся на двух языках к празд-

нованию 100-летнего юбилея поэта, не вызывая удивления или критики, устанавливалось, что хотя творчество поэта в основном было оптимистическим, но все же одновременно содержит много пессимистических мотивов¹⁹⁵. «Творчество поэта без преувеличения можно назвать энциклопедией татарской жизни начала XX в. Он стремился увидеть все и отразить все в своем творчестве»¹⁹⁶. Получалось, что автор преподнес такую оценку Тукая, которую трудно было оспорить. Все могли согласиться и быть довольными. Не высказывая это прямо и, возможно, даже не осознавая этого полностью, Н.Лаисов тем самым занял позицию, которая еще при жизни Тукая была наиболее распространённой: Габдулла Тукай был поэтом и героем всех татар.

В сборнике «Тукай эзләрәннән», изданном к 100-летию Тукая, Закия Расулева приводит слова одной старой татарской женщины. Этим высказыванием, которое можно считать словами от имени всего татарского народа, я бы хотел завершить эту главу: «Тукай – это человек, который писал книги, чтобы просветить нас – это святой человек»¹⁹⁷.

2. Габдулла Тукай и татарская общественность

В этом коротком разделе я хотел бы обратиться к следующим вопросам: В чем причины успеха и известности Тукая? Кто являлся его читателем? Какие части его творчества были особенно популярны – среди каких читателей и по каким причинам? Какую роль играл и играет Габдулла Тукай в жизни татар? Как обстоит дело с изучением биографии Габдуллы Тукая и его творчества?

Ни в дореволюционное, ни в советское время не было статьи или монографии, которые были бы специально посвящены названным вопросам. Однако замечания или ответы на них содержатся во многих публикациях о Габдулле Тукае. Хотя эти вопросы,

за исключением первого, никогда не стояли в центре внимания изучающих личность и творчество поэта, для представления о нем они довольно важны.

В разное время на эти вопросы давались разные ответы, и ответы эти всегда отражали дух времени, мировоззрение или идеологическую позицию отвечающих. Оценка Габдуллы Тукая тем самым определяла и высказывания об его читателях и их оценках творчества поэта. Точно так же, как и во всех остальных областях исследования Тукая, и здесь, в «исследовании читателей и популярности», аргументация словно двигается по кругу: если, например, сам Тукай воспринимался критиками как «плохой» поэт, а его творчество как «неверное», то в глазах таких критиков и его читатели не могли предстать как «рабочие и крестьяне».

В качестве неоспоримых могут быть приняты два пункта: Тукай являлся одним из самых продуктивных поэтов своего времени. Что касается количества в творчестве, то он оставил далеко позади своих «конкурентов», как например, Сагита Рамиева или Дэрдмента¹⁹⁸. И при этом не так уж и важно, написал ли он примерно 2655–2675 стихотворных строк, как рассчитал Габдрахман Сагди в 1926 г.¹⁹⁹, или же все его творчество включает более чем 10000 строк, как это утверждала в 1973 г. проживавшая в Турции татарская эмигрантка Наиле Бинарк²⁰⁰. Кроме того, Тукай – это такой поэт, произведения которого при жизни, а также и в советское время публиковались самыми высокими тиражами²⁰¹ и о которых писалось больше всех²⁰². Габдулла Тукай был самым известным поэтом в среде татарской диаспоры в Сибири, в Западном и Восточном Туркестане, Маньчжурии, Японии, Корее и, конечно же, в Турции и Финляндии²⁰³.

2.1. Причины успеха Тукая: поэт и народ

Еще при жизни Тукая начались споры о причинах его известности. Грубо

говоря, имелись два различных мнения: те критики, которые положительно оценивали Тукая, заявляли, что причиной успеха являлся «татаризм»²⁰⁴, что приравнялось к «любви к своему народу». Как заявил, например, Ибрагим Биккулов в 1913 г., Тукай любил татаризм превыше всего остального и принес в себя в жертву ради этого. Поскольку он любил свой народ, то и народ отвечал ему взаимностью и восхищался его личностью и его творчеством²⁰⁵. Большинство тогдашних кри-

тиков особенно обращало внимание на то, что к «народу» Тукая принадлежат «все классы народа»²⁰⁶. Успех Тукая следует приписать ему самому, качеству его творчества, он достиг всего своими собственными силами, не опираясь на чью-либо помощь, без какой-либо фальши²⁰⁷. Такое объяснение успеха и высокой степени известности Тукая при его жизни и до конца 1910-х гг. поддерживалось практически всеми авторами, кто писал о поэте и его творчестве²⁰⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵² Гаффаров С. Совет әдәбиятының югары идеялеге өчен // СӘ. – 1946. – № 10. – 56 б.

⁵³ Шунда ук. Подобные высказывания, в которых «выражается благодарность русским старшим братьям за помощь, оказывавшуюся и до [Октябрьской] революции», Лоуэлл Тиллет определяет как «один из ритуальных элементов в речах нерусских руководителей» (Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S.359).

⁵⁴ О включении Маяковского в канон «русской классики» см. высказывание Бориса Пастернака: «Маяковский был принудительно высажен, словно картофель, во времена Екатерины. Это была его вторая смерть. Но в ней нет его вины» (Pasternak, Boris: Über mich selbst, Frankfurt 1990, S. 62).

⁵⁵ Относительно «плохих» национальных героев в 1951–1952 гг. разгорелся так называемый «спор об эпосах». Это касалось не только татар, а почти всех народов Средней Азии и частично Кавказа. О нем будет говориться ниже в разделе «Национализм и интернационализм».

⁵⁶ Цитируется, например, в кн.: Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М., 1957. – С. 239. См.: Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 382; Zenkovsky, Serge: Pan-Turkism and Islam in Russia, Cambridge, Mass. 1960, S. 60–66.

⁵⁷ Жәләй Л. С.Хәким шигырьләре турында // СӘ. – 1947. – № 1. – 113 б.

⁵⁸ Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 201–203, 218–224б 404.

⁵⁹ Гаффаров С. Совет әдәбиятының югары идеялеге өчен // СӘ. – 1946. – № 10. – 53 б.

⁶⁰ Шунда ук. – 56–57 б. Подобная же мысль была высказана спустя два года и Хасаном Хайри (Хәйри Х. Сугышчан поэзия өчен // СӘ. – 1948. – № 4. – 99–112 б.

⁶¹ Фасеев К. Бишеллык план һәм язучыларның бурычлары // СӘ. – 1946. – № 6. – 95–102 б.

⁶² Джойс и Кафка были двумя писателями, которые вследствие кампании против космополитов с осени 1946 г. осуждались советской критикой, среди всего прочего, за проявляемые в их произведениях «животный индивидуализм», «мистику» и «эротiku». К той же категории принадлежали Прус, Дос Пассос, Селен и Сартр (Фадеев А. Совет әдәбияты күтәрелештә // СӘ. – 1947. – № 7. – 82 б.). Соответствующий «анализ» с татарской точки зрения был сделан Хасаном Хайри (Хәйри Х. Чит илләрдәге хәзерге буржуаз әдәбияты турында // СӘ. – 1947. – № 11. – 117–128 б.).

⁶³ Критике подверглись сборник стихов Салиха Баттала, изданный в 1946 г. в Казани, а также два стихотворения без названия Ахмета Файзи, опубликованные в майском номере 1947 г. журнала «Совет әдәбияты» (с. 49). Сборник стихов С. Баттала оказался мне недоступным, а два стихотворения А.Файзи не дают основания для сравне-

ния их с мнимыми образцами из русской или западноевропейской литературы. Главным критиком Салиха Баттала и Ахмета Файзи был Хасан Хайри. Прежде всего, Файзи он поставил «диагноз» – «символизм» и тем самым представил его как наследника «реакционных бардов прогнившей буржуазии, а именно Сагита Рамиева – ранг, которого Ахмет Файзи совершенно не заслуживал. См.: Хэйри Х. Сугышчан поэзия өчен // СӘ. – 1948. – № 4. – 99–112 б. Выступления в защиту Ахмета Файзи (Бер тәнкыйть унае белән. Хәсән Хэйри иптәшкә ачык хат // СӘ. – № 6. – 124–128 б.) Хасан Хайри не принял и отверг (Хэйри Х. Жавапсызлык хатына жавап // СӘ. – 1948. – № 10. – 115–122 б.). Хотя критика на словах велась очень остро, похоже, Ахмет Файзи не имел никаких серьезных профессиональных или личных последствий.

⁶⁴ *Фасеев К.* Бишеллык план һәм язучыларның бурычлары // СӘ. – 1946. – № 6. – 95–102 б.; Хэйри Х. Сугышчан поэзия өчен // СӘ. – 1948. – № 4. – 99–112 б.; Татарстан совет язучылары союзының сугышчан бурычлары // СӘ. – 1950. – № 5. – 3–12 б. Указанные темы предложены в названных статьях.

⁶⁵ *Батыев С.* Югары таләпчәнлек өчен // СӘ. – 1953. – № 2. – 94–109 б.; Маннур Ш. Яңа бурычлар // СӘ. – 1954. – № 1. – 105–112 б.

⁶⁶ Татарстан совет язучылары союзының сугышчан бурычлары // СӘ. – 1950. – № 5. – 4–5 б. Подобный «анализ» татарской литературы проводится в бесчисленных статьях между 1946 – серединой 1950-х гг.

⁶⁷ Назывались, например (в следующем порядке): М.Амир, Р.Ишмурат, Е.Шамиль, Н.Исанбет, А.Еники, Ф.Хусни, А.Файзи, А.Ерикей, К.Наджми, И.Гази, Г.Абсалимов, Г.Баширов (Шунда ук. – 5 б.) В состав Союза писателей тогда входило 50 членов, в числе которых также и критики (Батыев С. Яңа бишеллыкта Татарстан культурасы // СӘ. – 1947. – № 2/3. – 115–122 б.).

⁶⁸ *Шунда ук.*

⁶⁹ *Тукай Г.* Сайланма әсәрләр / Ред. М.Жәлил. – Казан, 1938. – II б.

⁷⁰ «Г.Тукай был далек от того, чтобы понять основные задачи и направление революции. (...) Для Г.Тукая характерны такой упадок духа, увлечение романтикой, безнадежность. А романтика и пессимизм пришли к нему от этой самой мелкобуржуазной психологии» (Шунда ук. – III б.).

⁷¹ *Габдрахманов Ф.* Г.Тукай сайланма әсәрләренен сүз башы турында // СӘ. – 1938. – № 4. – 77–78 б.

⁷² *Халит Г.* Тукай – халык шагыйре // СӘ. – 1938. – № 1. – 70–83 б.; № 2. – 59–82 б.

⁷³ *Шунда ук.* – № 1. – 74, 76 б.

⁷⁴ Это два ясных намека на современника Тукая Сагита Рамиева. Подчеркивалось, например, что Габдулла Тукай не поддавался на уговоры братьев Шакира и Закира Рамиевых, финансировавших в Оренбурге журнал «Шура» (Фэйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнен Казандагы тормышы. – 2 китап. – Казан, 1940. – 12 б.). Деньги, которые братья Рамиевы вкладывали в развитие татарской культуры, они заработали как хозяева золотых и металлических рудников на Урале. Закир Рамиев сделал себе имя не только как финансист, поддерживавший прогрессивную и просветительскую литературу, под своим литературным псевдонимом Дәрдменд он был известен как один из выдающихся поэтических современников Тукая.

⁷⁵ Халыкның мактаулы шагыйре // Кызыл Татарстан. – 15.04.1938. – № 86 (5287). Эта редакционная статья была посвящена 25-й годовщине со дня смерти Г.Тукая.

⁷⁶ См., например, описание «народного поэта» Маджита Гафури Х.Хисматуллиним, почти полностью совпадающее с описанием Тукая (Хисмәтуллин Х. Халык шагыйре Мәжит Гафури. Тууына 60 ел тулуга карата // Совет мәктәбе. – 1940. – № 9. – 21 б.

⁷⁷ *Халит Г.* Тукай – халык шагыйре // СӘ. – 1938. – № 2. – 75 б.

⁷⁸ «И, склоняя голову перед этим народом-гигантом, Г.Тукай посвятил свое честное творчество народу, борьбе за народное счастье, и, опираясь на силы народа, он пел с глубоким оптимизмом» (Хисмәтуллин Х.; Кутуй Г. Тукай-патриот. Үлүенә 29 ел тулу унае белән // СӘ. – 1942. – № 4. – 81 б.

⁷⁹ *Нәҗми К.* Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу унае белән // Нәҗми К. Әсәрләр. Дүрт томда. – Т. 4: Әдәби публицистик мәкаләләр һәм очерклар,

хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т. Нәжметдинов. – Казан, 1984. – 175 б. Хусаин Ямашев считается первым татарским коммунистом. Он умер 13 марта 1913 г. в Казани.

⁸⁰ *Халит Г.* Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. / Ред. Х. Хисмәтуллин; Я. Агишев. – Казан. 1955. – XXX б. Почти дословно это говорил Иван Пехтелев еще в 1946 г. (Пехтелев И. Габдулла Тукай поэзиясендә эстетик карашлар // СӘ. – 1946. – № 4. – 68 б.)

⁸¹ См., например: Халит Г. Бәхәссез һәм бәхәсле хакыйкәтләр // КУ. – 1966. – № 4. – 76 б. Но и Г. Халит порой делал некоторые уступки и отмечал, что в творчестве Тукая чувствуется влияние «просветительского романтизма» и потому нельзя говорить, что он «в полном смысле и последовательно» представлял «революционную позицию». (Шунда ук).

⁸² Слово «милләт», употребляемое Тукаем, не следует понимать как «нация» в современном западном или же советском смысле. «Татарской нации» во времена написания стихотворения (1906 г.) еще не было. Как и в других тогдашних стихах Тукая, слово «милләт» означает и здесь «мусульманскую нацию», «сообщество мусульман России».

⁸³ *Нәҗми К.* Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу уңае белән. – 176 б.

⁸⁴ *Тукай Г.* Әсәрләр. – Т. 2. – 8 б.

⁸⁵ *Нәҗми К.* Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу уңае белән. – 75 б.

⁸⁶ *Тукай Г.* Әсәрләр. – Т. 1. – 48 б.

⁸⁷ *Шунда ук.* – Т. 2. – 8 б.

⁸⁸ *Исхак Ә.* Татар халык шагыйре Габдулла Тукай // СӘ. – 1953. – № 4. – 104 б. Первое стихотворение было опубликовано в журнале «Ялт-Йолт» (15.07.1910. – № 9), второе в журнале «Ан» (01.03.1913. – № 6).

⁸⁹ *Сәғьди Г.* Татар әдәбияты тарихы (Дәреслек-кулланма). – Казан, 1926. – 216 б.

⁹⁰ *Фәйзи Ә.* Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы торышы. Икенче китап. – Казан, 1940. – 26 б.

⁹¹ *Халит Г.* Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1 / Ред. Х. Хисмәтуллин; Я. Агишев. – Казан. 1955. – XXX б.

⁹² *Халит Г.* Тукай – халык шагыйре // СӘ. – 1938. – № 3. – 52 б. Ср. также: Әпсәләмов Г. Сугышчан тәнкыйть өчен // СӘ. – 1954. – № 6. – 81 б.

⁹³ *Халит Г.* Татар халкының бөек шагыйре // СӘ. – 1946. – № 3. – 86 б. Дословно такую же формулировку использовал в 1948 г. и Хасан Хайри (Хәйри Х. Бөек патриот шагыйре. Габдулла Тукайның үлүенә 35 ел тулу уңае белән // Кызыл Татарстан. – 14.04.1948. – № 75 (8093).

⁹⁴ Например: Хисмәтуллин Х., Кутуй Г. Тукай-патриот. Үлүенә 29 ел тулу уңае белән // СӘ. – 1942. – № 4. – 80–83 б.

⁹⁵ *Агишев Я.* Габдулла Тукай – патриот. – Казань, 1942.

⁹⁶ *Агишев Я.* Татар халкы һәм Тукай // СӘ. – 1943. – № 4. – 10 б.

⁹⁷ *Шунда ук.*

⁹⁸ *Кутуй Г.* Патриот Тукай. Үлүенә 29 ел тулу уңае белән // Кызыл Татарстан. – 15.04.1942. – № 89(6503).

⁹⁹ Здесь М. Гайнуллин перегибает палку: он вполне мог бы не упоминать, что тогдашняя «русская революционная пресса» выходила «на русском языке».

¹⁰⁰ *Гайнуллин М.* Чынлык көче. Татар әдәбиятының реализм сызыгында үсүенә бөек рус язучыларының һәм революцион-демократик тәнкыйтьчеләрнең йогынтысы // СӘ. – 1948. – № 7. – 68-69 б.

¹⁰¹ Кроме статьи Н. Исанбета, упоминаемой в следующей сноске, см. также: Нуруллин И. Әдәби мирасны өйрәнүгә житди игътибар // СӘ. – 1954. – № 8. – 111 б. В письме Наки Исанбету от 2 мая 1955 г. Ахмет Файзи писал: «Надо бы выйти из этих шаблонов, которые писались до сих пор!». Примечательно, что это письмо впервые было опубликовано в 1987 г. (Фәйзи Ә. Әсәрләр. – Т. 5. – Казан, 1987. – 23 б.).

¹⁰² *Исәнбәт Н. Тукай прозасы // СӘ. – 1949. – № 7. – 104 б.* Объектом критики Н.Исанбета стало вступительное слово, написанное Хаем Хисматуллиним ко второму тому собрания сочинений Г.Тукая, вышедшему под его редакцией в 1948 г. (Тукай Г. Әсәрләр. – 2 томда /Ред. Х.Хисмәтуллин. – Казан, 1948).

¹⁰³ *Исәнбәт Н. Тукай прозасы. – 103 б.*

¹⁰⁴ *Шунда ук.*

¹⁰⁵ Все группы «врагов Тукая», кроме последней, перечислены в статье: Фәйзуллина М. Тукай публицистикасы //СӘ. – 1940. – № 4. – 65–66 б. «Буржуазные националисты» и «муллы» названы у Ахмета Файзи: Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы тормышы. Икенче китап. – Казан, 1940. –24 б. Замечание А.Файзи имеет цель представить, будто бы последняя статья Г.Тукая (Уянгач беренче эшем. – Кояш. – 18.03.1913. – № 74) была написана под давлением. В ней Тукай отверг те свои стихи, в которых он высказывался демонстративно политически. Но именно эти стихи очень высоко котируются у «левых» критиков Тукая.

¹⁰⁶ «Халык зур ул, халык даһи ул!». Эту формулировку Тукай привел в конце своего доклада о народной литературе (15 апреля 1910 г. в Восточном клубе в Казани). С конца 1930-х гг. она цитировалась во всех статьях, в которых заверялась вера Тукая в народ.

¹⁰⁷ *Фәйзуллина М. Тукай публицистикасы. – 66 б.* См. также: Тукай Г. Шигърьләр / Ред. Х.Хисмәтуллин. – Казан, 1938. – 6 б.

¹⁰⁸ *Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы тормышы. – 24 б; Халит Г. Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1 /Ред. Х.Хисмәтуллин; Я.Агишев. – Казан. 1955. – XXXI б.*

¹⁰⁹ *Халит Г. Әдәби тәнкыйтебезнең югалмас сәхифәләре // СӘ.1959. – № 4. – 99 б.*

¹¹⁰ *Шунда ук. – 98–99 б.*

¹¹¹ См. также: *Хәйри Х. Тукай традициясе һәм совет поэзиясе //СӘ. – 1961. – № 11. – 131 б.; Башкуров Р., Воздвиженский В. Һәрвакыт халык йөрәгендә. Габдулла Тукайның тормыш һәм ижат юлы. – Казан, 1966. – 26 б.* Такой «анализ» буржуазной татарской литературной теории и исходящего из него отношения татарской буржуазии к Тукаю использовался еще и в 1960-е годы.

¹¹² *Гайнетдинов М. Давылларда. Жилләрдә. Хәсән Туфанның тормыш һәм ижат сәхифәләре. – Казан, 1989. – 87 – 89 б.*

¹¹³ *Нуруллин И. Әдәби мирасны өйрәнүгә житди игътибар // СӘ. – 1954. – № 8. – 111 б.*

¹¹⁴ *Шунда ук.*

¹¹⁵ Возможно, что И.Нуруллин в данном случае имел в виду совершенно «нормальное» татарское население, которое, конечно, не разделяло «ультралевой» позиции интеллигенции по отношению к Тукаю, но и ничего не высказывало против.

¹¹⁶ *Шунда ук.* Подобная аргументация, как и у И.Нуруллина, встречается во многих других статьях, появившихся в татарской прессе с середины 1950-х гг. См., например: Хисмәтуллин Х. Фатыһ Әмирхан. Әдәби тәнкыйть // СӘ. – 1956. – № 1. – 97 б.; Нәфиков Р. Татарлар арасындагы алдынгы ижтимагый карашлар тарихыннан // СӘ. – 1956. – № 6. – 119 б.

¹¹⁷ *Нәфиков Р. Татарлар арасындагы алдынгы ижтимагый карашлар тарихыннан. – 119 б.; Халит Г. Егерменче еллардагы татар совет әдәбияты тарихын өйрәнү тәҗрибәсеннән. Икенче мәкалә // СӘ. – 1957. – № 2. – 87 б.*

¹¹⁸ Отрицание всего «национального» тогда оценивалось как «космополитизм».

¹¹⁹ То, что «ошибки», подвергавшиеся критике после 1946 г., находились в прямой связи с позициями «ультралевых» критиков конца 1920-х – начала 1930-х гг., упоминал Сафа Раимов (Рәимов С. Шагыйрьгә әдәби суд // Такташ турында истәлекләр / Ред. Н.Юзиев, Н.Садыйкова. – Казан, 1980. – 98 б.

¹²⁰ Самое позднее, с середины 1930-х гг. советская критика постоянно старалась создать историческое измерение, поставить на (историческую) основу точки зрения и все развитие. Или же для «доказательства» того, что что-то всегда было «хорошим» или же, наоборот, «плохим».

- ¹²¹ Хәйри Х. Тукай традициясе һәм совет поэзиясе // СӘ. – 1961. – № 11. – 131 б.
- ¹²² В феврале 1958 г. он, кроме этого, занял и пост премьер-министра., т.е. зная должности, которые Сталин совмещал с 1941 г.
- ¹²³ Etkind, Efim: Russische Lyrik von der Oktoberrevolution bis zur Gegenwart. Versuch einer Darstellung, München 1984, S. 194.
- ¹²⁴ Например, в Польше и Венгрии. Попытки практиковать в этих странах «иной социализм», правда, не имели шанса быть осуществленными. Вторжением советских войск в Венгрию в ноябре 1956 г. эти надежды были окончательно сломлены.
- ¹²⁵ Несколько неразумно программа КПСС 1961 г. назвала и конкретную дату перехода к коммунистическому обществу – 1980 г.
- ¹²⁶ Hosking, Geoffrey: A History of the Soviet Union (revised edition), London 1990, S. 361.
- ¹²⁷ Ibid., S. 368.
- ¹²⁸ Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S. 176.
- ¹²⁹ Allworth, Edward: A Theory of Soviet Nationality Policies, in: Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Ed. Henry R. Huttenbach, London 1990, S. 42.
- ¹³⁰ Понятие «перестройка» не было находкой Горбачева. Сталин использовал его еще в 1932 г., когда он дал указание о роспуске литературных объединений и потребовал создания единого союза советских писателей (Garrard, John and Carol: Inside the Soviet Writers Union, London, New York 1990, S. 282).
- ¹³¹ Hosking, Geoffrey: A History of the Soviet Union (revised edition), London 1990, S. 413.
- ¹³² Kasack, Wolfgang: Die russische Literatur 1945–1982, mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche, München 1983, S. 30–31.
- ¹³³ Ibid., S. 33.
- ¹³⁴ Garrard, John and Carol: Inside the Soviet Writers Union, London, New York 1990, S. 141.
- ¹³⁵ Etkind, Efim: Russische Lyrik von der Oktoberrevolution bis zur Gegenwart. S. 245.
- ¹³⁶ Garrard, John and Carol: Inside the Soviet Writers Union, S. 85.
- ¹³⁷ Ibid., S. 167–168. Здесь приводятся следующие данные: классическая зарубежная литература – 53,8%, классическая русская литература – 48,2%, детективы – 42,8%, современная зарубежная литература – 41,8%, советская литература – 32,1%, военная литература – 28,4%, фантастика – 28% (Ibid., S. 278).
- ¹³⁸ Ibid., S. 193; Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, S. 130.
- ¹³⁹ Бәширов Г. Безнең бурычлар (Язучылар жылышында сөйләнгән докладка нигезләнеп язылды) // СӘ. – 1955. – № 3. – 100 б.
- ¹⁴⁰ Маннур Ш. Яңа югарылыкка // СӘ. – 1956. – № 1. – 110 б.
- ¹⁴¹ См., например: Нури З. Әдәби уңышлар мул булсын! // СӘ. – 1958. – № 6. – 83 б.; Хәйри Х. Хәзерге татар прозасы турында // СӘ. – 1958. – № 8. – 102 б.
- ¹⁴² В середине 1960-х годов об этом уже говорилось открыто. См.: Гыйләжев А. Ә син үзек кем, укучы? // КУ. – 1967. – № 11. – 152 б.
- ¹⁴³ Галиев Г. Г. Тукай шигырьләре // Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658).
- ¹⁴⁴ Шамов А. Черек тамырлар // Безнең юл. – 1928. – № 11/12. – 29 б.
- ¹⁴⁵ Graf, Oskar Maria: Reise in die Sowjetunion 1934, Hamburg, Zürich 1992, S. 61.
- ¹⁴⁶ Исхак Ә. Бүгенге поэзиябез турында // СӘ. – 1958. – № 6. – 87, 89 б.
- ¹⁴⁷ Шунда ук. – 89–90 б.
- ¹⁴⁸ Хәйри Х. Тукай традициясе һәм татар поэзиясе // СӘ. – 1961. – № 11. – 135 б.
- ¹⁴⁹ Произошедшее в июне 1965 г. изменение названия официального татарского литературного журнала с «Совет әдәбияты» на «Казан утлары», очевидно, следует понимать именно в этой связи.
- ¹⁵⁰ См.: СӘ. – 1956. – № 3. – 127 б.; 1957. – № 2. – 125 б.
- ¹⁵¹ См.: Госманов М., Мәһдиев М. XX йөз башы татар әдәбияты һәм матбугат тарихының кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1967. – № 7. – 129 б.; Сәгыйть Рәмиев // КУ. –

1970. – № 2. – 187–188 б.; Дәрдемәнд // КУ. – 1969. – № 11. – 177–178 б.; Хәким С. Тукайларны эзлим // Хәким С. Үз тавышың белән. – Казан, 1969. – 102–103 б.

¹⁵² Хәйри Х. Тукай традициясе һәм татар поэзиясе // СӘ. – 1961. – № 11. – 120–142 б.

¹⁵³ СӘ. – 1960. – № 11. – 13 б.

¹⁵⁴ Татар әдәбияты тарихы. – Т. 5. – 380 б.

¹⁵⁵ Гайнуллин М. Тукайның бөеклегә нәрсәдә? // Совет мәктәбе. – 1966. – № 4. – 15 б.

¹⁵⁶ Сибгат Хаким соошчал о трех семинарах молодых писателей из разных уголков Советского Союза, проведенных весной 1967 г. (в Чите, Кемерове и Казани). Их участники единодушно заявили, что все они стоят перед одной и той же проблемой – создание новой литературы, которая серьезно воспринимает человека (Хәким С. Тукайларны эзлим // Хәким С. Үз тавышың белән. – Казан, 1969. – 96–105 б.).

¹⁵⁷ См., например: Галиуллин Т. Г. Тукай, М. Жәлил традицияләре һәм хәзерге татар поэзиясе. Балладаларыбыз хакында // Социалистик Татарстан. – 13.03.1966. – № 60 (13696).

¹⁵⁸ Гыйләҗев А. Ә син үзәң кем, укучы? // КУ. – 1967. – № 11. – 152 б.

¹⁵⁹ Әдәби хәрәкәтнең алгы сафына! «Казан утлары» журналын күзәтү // Социалистик Татарстан. – 04.02.1968. – № 30 (14277). Статья была опубликована без упоминания имени автора. О том, что автором ее являлся Хасан Хайри, в разговоре сообщил мне профессор Миркасым Усманов в декабре 1993 г. в Казани.

¹⁶⁰ Халит Г. Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1 /Ред. Х.Хисмәтуллин, Я.Агишев. – Казан. 1955. – XXIX б. В качестве примера он назвал стихотворение «Хөрмәтле Хөсәен ядкар», написанное Тукаем по поводу кончины «первого татарского большевика» Хусаина Ямашева (13 марта 1912 г.).

¹⁶¹ СӘ. – 1957. – № 8. – 121 б.

¹⁶² С середины 1960-х гг. впервые начали публиковаться письма читателей, в которых высказывались положительная точка зрения на те моменты, которые отвергались или критиковались официальной стороной. См., например, рубрику «Письма читателей» в журнале «Казан утлары» с конца 1966 – начала 1967 гг.

¹⁶³ Туфан Х. Килчәктә яшәүче // СӘ. – 1961. – № 4. – 49 б. Вопросы, были ли вообще татарские большевики, сколько их всего было, я хотел бы оставить без ответа.

¹⁶⁴ Жунусов К. Тукай яши // СӘ. – 1961. – № 4. – 45 б.

¹⁶⁵ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 4. – 227 б. В издание включен только отрывок из письма. Похоже, что оригинал его не сохранился. Примечание к этому отрывку (Шунда ук. – 254 б.) дает ссылку на источник: Габдулла Тукай мәжмугаи әсәре / Ред. Ж.Вәлидов. – Казан, 1914. Можно назвать статьи, в которых это письмо цитируется: Нефииков Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 119–128 б.; Зәкиев М. Г. Тукай һәм әдәби телебез // Совет мәктәбе. – 1966. – № 4. – 22 б.

¹⁶⁶ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 4. – 227 б.

¹⁶⁷ Александр Иванович Гучков (1862–1936) – известный промышленник, руководитель партии октябристов, член Государственной Думы и Председатель 4-й Думы. После Октябрьской революции эмигрировал. Характеристику Гучкова как «самого правого среди правых» Р.Нафииков позаимствовал из Тукай, из его короткой статьи «Гучков» (Яшен. – 31.01.1909. – № 6).

¹⁶⁸ Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) – монархист, депутат 2–5 Дум, член (антисемитской) «черной сотни», принимал участие в убийстве Распутина. Имя Пуришкевича не встречается в творчестве Тукай ни разу, неизвестны также и не-прямые намеки на его личность.

¹⁶⁹ Р.Нафииков здесь желает намекнуть на фельетон Тукай «Кеше-хәйваннар» (Ялт-Йолт. – 15.05.1910. – № 5).

¹⁷⁰ Нефииков Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 122 б.

¹⁷¹ Шунда ук.

¹⁷² Безнең Тукай // Социалистик Татарстан, 25.04.1961. – № 98 (12675).

¹⁷³ *Башкуров Р., Воздвиженский В.* Һәрвакыт халык йөрөгөндө. Габдулла Тукайның тормыш һәм ижат юлы. – Казан, 1966. – 17 б.

¹⁷⁴ Тукай турында замандашлары / Ред. С.Исанбай. – Казан, 1960. Рецензия И.Нуруллина не имеет названия. Она появилась в журнале «Совет әдәбияты» (1961. – № 12. – 138–141 б.).

¹⁷⁵ Подобные упущения и фальсификации критиковал также и Амирхан Еники при обсуждении сборника произведений Сагита Сунчалая, изданного в 1962 г. под редакцией Шарифа Сунчалая со вступительным словом Гали Халита. См.: СӘ. – 1962. – № 3. – 147–152 б.

¹⁷⁶ Газета «Тәржеман», издававшаяся Исмагилом Гаспринским, оценивалась советской критикой как рупор джадидистов. В середине 1960-е гг. велись острые дискуссии по вопросу, являлись ли джадидисты прогрессивным течением или же нет (См. о позиции «за»: Госманов М., Мәһдиев М. XX йөз башы татар әдәбияты һәм матбугат тарихының кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1967. – № 7. – 124–131 б.; о позиции «против»: Әдәби хәрәкәтнең алгы сафына! «Казан утлары» журналын күзәтү // Социалистик Татарстан. – 04.02.1968. – № 30 (14277). Как уже упоминалось выше, автором последней статьи являлся Хасан Хайри. Положительная оценка джадидизма так и не смогла одержать верх до распада Советского Союза.

¹⁷⁷ СӘ. – 1961. – № 12. – 139–140 б.

¹⁷⁸ Здесь И.Нуруллин опирается на роман М.Шолохова «Поднятая целина» (появился в 1946 г.), один из «героев» которого Аржанов заявлял: «Человек, у которого нет странностей, напоминает прямую и гладкую палку».

¹⁷⁹ СӘ. – 1961. – № 12. – 140 б.

¹⁸⁰ *Нуруллин И.* Шагыйрьне өйрәнү юлында // КУ. – 1966. – № 3. – 120–127 б. Ниже, при цитировании этой статьи, в скобках будут даваться только номера страниц.

¹⁸¹ 124 б.

¹⁸² См.: *Фассев К.* Алдынгы татар ижтимагый фикер тарихыннан (1955) (так указано автором. – *Прим. переводчика*); Ишмөхәмәтов З. Габдулла Тукай-атеист // Социалистик Татарстан. – 25.05.1961; Нәфиков Р. Татарлар арасындагы алдынгы ижтимагый карашлар тарихыннан // СӘ. – 1956. – № 6. – 117–126 б.

¹⁸³ 127 б.

¹⁸⁴ *Байчүра Ш.* Инәсеннән жебенә кадәр // КУ. – 1966. – № 7. – 132–134 б.

¹⁸⁵ Здесь Ш.Байчүра рассматривает вступительное слово к сборнику произведений Тукая, опубликованному в 1963 г. в русском переводе. Автором вступительного слова был Иван Пехтелев, русский литературовед, проживавший в Татарстане и после Второй мировой войны сделавший себе имя как (верный партии) специалист по Тукаю. Он автор следующих монографий о Тукае: «Габдулла Тукай: Жизнь и творчество» (Казань, 1946; в татарском переводе – 1946); «Эстетические идеи в поэзии Тукая» (Казань, 1949); «Пушкин, Лермонтов, Тукай» (Казань, 1949; в татарском переводе – 1949); «Тукай и русская литература» (Казань, 1966). Краткое изложение второй книги было опубликовано на татарском языке: Пехтелев И. Габдулла Тукай поэзиясендә эстетик карашлар // СӘ. – 1946. – 58–74 б.

¹⁸⁶ Ш.Байчүра подтверждает свое мнение цитатой из протокола заседания, опубликованного в парламентской газете «Дума» 8 мая 1907 г. (Байчүра Ш. Инәсеннән жебенә кадәр. – 133 б.).

¹⁸⁷ *Хөсни Ф.* Тукай турында уйлану // Социалистик Татарстан. – 29.04.1966. – № 103 (13739); *Хикмәтуллин Г.* Тукай турында исемдә калганнар // КУ. – 1966. – № 6. – 120–124 б.

¹⁸⁸ Тукай турында истәлекләр / Ред. И.Нуруллин, Р.Якупов. – Казан, 1986.

¹⁸⁹ *Урманчеев Ә.* «Ялт-Йолт» һәм Тукай // Ялт-Йолт. – 10.06.1913. – № 55. – 14–15 б.

¹⁹⁰ Социалистик Татарстан. – 24.05.1966. – № 121 (13757). Статья в газете опубликована без названия.

¹⁹¹ *Гайнуллин М.* Дәрәслекне төгәл яктыртык // КУ. – 1967. – № 7. – 124 б.

¹⁹² КУ. – 1976. – № 4. – 77–90 б.

¹⁹³ *Шунда ук.* – 82 б.

¹⁹⁴ *Шунда ук.* – 85 б.

¹⁹⁵ *Лаисов Н.* Габдулла Тукай. – Казан, 1986. – 72–73 б.

¹⁹⁶ *Шунда ук.* – 75–76 б.

¹⁹⁷ *Рәсүлева З.* Тукай эзләрәннән. – Казан, 1985. – 83 б.

¹⁹⁸ Третье издание стихов Сагита Рамиева, появившееся в Уфе в 1918 г., имело объем 45 страниц и содержало 25 стихотворений. Сборник Дэрдменда, изданный уже после его смерти в Казани в 1928 г., имел 108 страниц и 59 стихотворений. Установить объем сочинений Дэрдменда трудно потому, что, например, в журнале «Шура», издававшемся на его деньги, опубликованы многие стихи без упоминания автора, но, судя по содержанию и форме выражения, можно полагать, что их автором являлся именно Дэрдменд.

¹⁹⁹ *Сәгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы. Дәрәслек-кулланма. – Казан, 1926. – 224–225 б.

²⁰⁰ Binark, Naile: Abdulla Tukaj'ın şiirlerinde çöğuk temasy, in: Kazan 1973 (10), S. 48.

²⁰¹ Только между 1907–1917 гг. произведения Тукай отдельными изданиями появились 52 раза общим тиражом около 110 000 экземпляров (Бурнашева М. Габдулла Тукай эсәрләре күпме басылган // СЭ. – 1946. – № 4. – 127 б.) С 1907 по 1983 г. книги Тукай на татарском языке были изданы 224 раза. Их тираж составил около 4 миллионов экземпляров (Рәсүлева З. Тукай эзләрәннән. – Казан, 1985. – 81 б.)

²⁰² Среди всех сочинений о Тукае (статей и монографий), изданных до 1970 г., есть две дополняющие друг друга библиографии. О периоде до 1956 г. см.: *Тукай Г.* Эсәрләр. – Т. 4. /Ред. Х.Хисмәтуллин; Я.Агишев. – Казан. 1956. – 265–274 б. (список публикаций, появившихся до Октябрьской революции, – не полный). О периоде с 1956 по 1970 г. см.: Габдулла Тукай – Библиографик күрсәткеч (1956–1970) / Ред. Л.Хәйдарова, Н.Әхмәтжанова. – Казан, 1974.

²⁰³ См. о Сибири: Тормыш. – 02.05.1914. – № 49; о Западном Туркестане до 1917 г.: *Tatarica edendum curavit Abdulla Tukain kulttuuriseura* г.у. *Studia in honorem Ymär Daher* anno MCMLXX sexagenario, *Vammala* 1987, S. 186; о Восточном Туркестане в начале 1920-х годов: *Tatarların qisqaça tarixi* / Ed. “Tatarların qisqaça tarixi”ni jeziş gruppası, *Ürümçi* 1988, S. 31; о Харбине, Маньчжурии и Дальнем Востоке около 1920 г.: *Tahir, Mahmut: Uzak doğuda neşrijat faalijetlerimiz (Harbin'deki Türk-Tatarlar dini ve millî gemijeti)*, in: *Kazan* 1971 (5), S. 47–48; *Kreiser, Klaus: Der japanische Sieg über Rußland (1905) und sein Echo unter den Muslimen*, in: *Die Welt des Islams*, XXI, 1-4 (1981), S. 232; о Финляндии в начале 1930-х годов: *Devlet, Nadir: Kazan Türkleri ve Abdullah Tukaj*, in: *Kazan* 1971 (3), S. 10-11. См также о положении в середине 1910-х гг.: *Аң.* – 1915. – № 24. – 442 б.

²⁰⁴ Представляется довольно сложным перевести с татарского на русский язык понятие «татарлык» – что может быть понято, как «татарский мир», «все татарское». В дальнейшем слово «татаризм» употребляется именно в таком широком смысле. Прим. переводчика.

²⁰⁵ *Биккулов И.* Габдулла эфэнде Тукай // Сибиря. – 07.04.1913. – № 96.

²⁰⁶ *Кәрәм Г.* Габдулла Тукаев // Аң. – 03.04.1914. – № 7. – 132 б. В таком же духе выразился и В.Наврузов: «Его стихи положительно воспринимались всеми классами народа» (Тормыш. – 02.04.1914. – № 49).

²⁰⁷ *Вақыт.* – 03.04.1913. – № 1170.

²⁰⁸ Одним из последних, кто представлял такое мнение, был Шакир Мухаммедьяров (Мөхәммәдьяров Ш. Тукай кем? – М., 1918. – 14 б.)

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным полити-

ческим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.